

Служу России и Спецназу

ВАЛЕРИЙ

Рощин

ТРИНАДЦАТЬ
СПОСОБОВ
УМЕРЕТЬ

Валерий Рошин

Тринадцать способов умереть

2006

Рошин В. Г.

Тринадцать способов умереть / В. Г. Рошин — 2006

Все же боевикам удалось сбить их вертолет. Так боевой вертолетчик Максим Скопцов оказался в чеченском плену, и более того, стал рабом на плантации конопли. Но он настоящий профи и владеет секретами новейших боевых машин. Так что грузинская разведка уже вплотную заинтересовалась им. Но, похоже, она не дождется никаких секретов. Группа спецназовцев подполковника Барклая уже идет на помощь Максиму. Когда-то Скопцов спас жизнь Барклаю, а долг платежом красен...

Содержание

Способ первый	5
Способ второй	12
Способ третий	22
Способ четвертый	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Рошин

Тринадцать способов умереть

Способ первый 1-2 сентября

Каким образом его будут лишать жизни, он не знал, но глубоко внутри тлел уголек надежды, что произойдет это быстро и без мучений. Смерть всегда казалась ему далеким, неправдоподобным событием – с кем угодно, только не с ним! Да вот, поди ж ты, столкнулся нос к носу и приходится теперь терзаться, обливаясь холодным потом...

Вот, скажем, выстрел в затылок. Из пистолета. И неожиданно. Данный способ, пожалуй, выглядел самым предпочтительным, гуманным...

В крайнем случае – острым ножом по горлу. Как это у них делается?.. Судя по рассказам сослуживцев: кто-то подходит сбоку, хватает за волосы, запрокидывает голову назад и... Конечно, придется с минуту помучиться, пока молодое тело выплеснет пару литров крови, и угасающее сознание перестанет ощущать боль.

Однако жуткие истории, поведанные ранее товарищами, настойчиво предсказывали другой – жестокий и кошмарный конец. Поговаривали, будто могут отрезать голову; забить до смерти палками или прикладами; а того хуже – распоров брюхо, медленно дергать за кишki, скармливая их голодным собакам...

Ранним утром пленный младший сержант тяжело поднялся с собранного вороха грязной соломы – уснуть этой ночью так и не довелось, подошел к крохотному оконцу, устроенному рядом с входом в каменную, кособокую лачугу и с тоскою наблюдал за намазом – пятой молитвой на восходе солнца. Чечены в фесках, тюбетейках, армейских кепках стояли на коленях и простирали ниц под тонкий голосок местного отрядного муэдзина. Глядя на слаженное действо, он и сам не заметил, как завязал разговор с богом. С каким – не ведал, потому что никогда не заглядывал в культовые храмы, ни разу всерьез не задумывался: верит ли? Не знал ни единой молитвы, да и Господа поминал только всуе...

Он просил о снисхождении, вымаливал чудесное спасение, но понимал: жизнь висит на тонком волоске и сколь долго еще провисит – зависит от людей, отбивающих сейчас поклоны Аллаху. А конкретно от командира отряда боевиков – неопрятного сорокалетнего мужика с колючими, злыми глазками; с двумя седыми пряdkами, затерявшимися в густой черной бороде.

Тroe суток назад амир по прозвищу Араб прилюдно объявил вердикт: казнить русского сержанта на рассвете сегодняшнего дня. Весь отпущеный срок сержант не терял присутствие духа: прислушивался к каждому звуку – не летит ли вертолет, не урчат ли бэтээры, не стреляет ли поблизости пехота, штурмуя этот лесистый взгорок. Вряд ли командование знало о его несчастье, да и знало б – не поспешило бы спасать. Но вдруг затеют операцию по уничтожению банды или захвату известного главаря?! Или пилоты парочки патрульных вертушек случайно зацепят взглядами расположенный на склоне лагерь?..

Эх, ему бы только один маленький шанс! Уж он бы точно его не упустил!..

И вот наступило сегодняшнее, злосчастное утро.

«Неужели с той проклятой минуты, когда Араб объявил о предстоящей казни, ничего не изменилось? Может быть, он передумал?.. Или позабыл о своем намерении?..» – в тайне надеялся молодой пацан.

Муэдзин замолчал, намаз окончился, мужчины поднялись с колен и стали расходиться. На крохотном пустыре перед лачугой сделалось тихо, обыденно, как и в предыдущие дни. Лишь

одинокий страж, привалившись спиной к неровной каменной стене между оконцем и дверью, монотонно напевал национальный мотив...

«Забыли!.. – осторожной искоркой промелькнула радостная догадка. – Или решили помиловать! Чтоб получить выкуп или обменять!.. Такое ведь раньше тоже случалось».

Тяжесть тревоги постепенно вытеснялась хрупким предчувствием удачи. Пожалуй, самой огромной, великой удачи в его короткой жизни! Созерцаемый из оконца кусочек однобразного, бесцветного и одновременно пугающего пейзажа сначала робко окрасился безобидными оттенками; затем ожил, заиграл яркими бликами и, наконец, заполнился почти осозаемой теплотой. Сомнения и тревоги таяли с каждой минутой спокойного, солнечного утра...

«Они такие же люди, нeliшенные жалости, сострадания, доброты, – едва заметно кивал парнишка, все еще побаиваясь поверить в нежданно свалившееся счастье. – И седобородый амир, оказывается, неплохой мужик. Араб... Почему Араб? Наверное, из-за темной прокопченной кожи лица. Просто решил пугнуть меня страшным приговором. Преподать урок неверному...»

Бесшумно ступая босыми ногами по земляному полу, засыпанному пересохшей грязной соломой, он прогулялся по убогому каземату; обошел вокруг вкопанную посередине помещения металлическую раскоряку, предназначения которой так и не сумел понять...

И тут вдруг почудились голоса – далекий нестройный хор мужских голосов. Мальчишка испуганно остановился, прислушался...

Нет. Показалось.

Спохватившись, он вновь метнулся к амбразуре, точно боясь изменений, способных в одночасье произойти снаружи в его отсутствие. На пустыре по-прежнему было тихо, безлюдно. Только «песня» караульщика, да резвая беготня мальчишки лет восьми, что обитал, должно быть, вместе с отцом или старшим братом в горном бандитском лагере. Сорванец гонялся с палкой за бараном, улизнувшим из огороженного дувалом закута. Догнав, оседлал, вцепился черными пальцами в шерсть, что-то задорно выкрикнул...

Пленный невольно улыбнулся – даже плюгавый юнец, огrevший пару дней назад по спине своей длинной сучковатой дубинкой, в этот час представился вполне симпатичным и забавным ребенком. Да и те моджахеды, бившие в первые дни плена до потери сознания, до крови из ушей, до нестерпимого желания умереть – уж не казались извергами.

Он глубоко вдохнул побаливавшей от побоев грудью; слегка пригнулся голову, мечтательно глянул на клочок синевшего неба. В памяти всплыли обрывки детства, прошедшего в маленьком городишке на извилистой, неспешно несущей желтоватые воды реке под названием Хопер. Молодая цепкая память мигом восстановила в воображении улыбчивое, доброе лицо матери; незлобивое ворчание на его шалости отца – водителя молоковоза; хрупкую, рыженькую одноклассницу Анюту, ронявшую на вокзале слезы и обещавшую дождаться...

И вдруг сладостные воспоминания о былой мирной жизни, светлые мечты о спасении и о встрече с родными людьми прервал чей-то властный окрик:

– А ну выходи, гяур!

Тroe боевиков во главе с кривозубым коротышом, державшим в руках странное ружье, подходили сбоку к лачуге.

Холодная волна липкого страха прокатилась по телу от головы до пят; отпрянув от оконца, сержант качнулся, удерживая равновесие на враз ослабевших ватных ногах. Сколоченная из грубых досок дверь шумно распахнулась – в слепившем пятне проема появились крепкие мужские фигуры. Сильные руки подхватили, поволокли на улицу...

На краю обширной, чуть пологой поляны, вокруг которой был разбит лагерь, собиралась толпа страждущих лицезреть очередное зрелище. Полевой командир Руслан Куцаев – тот самый неопрятный хмурый чеченец с двумя седыми прядками в черной бороде, по-хозяйски

устроился в старом кожаном седле, брошенном на траву меж высоких древесных стволов. Другие расположились по обе стороны от амира.

Русского сержанта привели из каменного сарайчика, правую руку по приказу все того же кривозубого чеченца с жиленкой квадратной бороденкой, для чего-то нацепившего на лицо модные темные очки, накрепко привязали к коренастому, крепкому дереву...

Он не сопротивлялся. Изредка хлопая длинными ресницами, паренек лишь бросал на зрителей непонятливые взгляды, наполненные отчаянием, мольбой, парализовавшим волю страхом. Когда одноглазый пожилой моджахед подвел к нему отрядного битюга – могучего жеребца по кличке Бахыз, он сызнова посмотрел в глубокую синеву чистого неба; что-то прошептал бледными, бескровленными губами...

Покорно выдержав грубость, с которой опутали свободным концом конской упряжи левое запястье, пленный так и стол, задрав коротко остриженную голову кверху... И продолжал нашептывать – верно, молился или прощался с близкими. Он не слышал отрывистой злой речи, произнесенной Арабом перед страшным действом; как не слышал и дружных одобрительных возгласов полусотни абреков и последней команды торопившегося куда-то амира...

Конь раздул ноздри, мотнул головой в ответ на повелевающий рывок повода; нетерпеливо переступил тяжелыми копытами и послушно подался вперед.

Вместе с коротким криком, раздался хруст разрываемой плоти. Сделав несколько упругих шагов под перешедший в затихающий стон крик, Бахыз остановился. Повернув вбок голову, темным глазом покосил на страшный трофей, волочившийся за ним по траве и оставлявший на ней кроваво-красный след. Но, похоже, вид изуродованной человеческой конечно-сти, как и вид бывшего ее владельца, лежащего возле дерева с белым лицом, был ему привычен. Встряхнув ушами, умное животное потянулось к сочной траве и стало торопливо лакомиться – знало: вот-вот прозвучит неприятный резкий звук, приноровиться к которому не получалось долгие месяцы.

Да, все происходило по старому сценарию: седобородый амир по прозвищу Араб нетерпеливо поднялся с кожаного седла, вынул из-за пояса пистолет, встал над хрипящим мальчишкой, прислушался к выкрикам соплеменников...

Выстрел, спугнул стайку беспечных птиц и заставил вздрогнуть коня. Тот беспокойно стукнул копытом; переступил, двинувши крупом... да державший повод человек с черной повязкой на правом глазу, ласково потрепал по холке, провел суховатой ладонью по жесткой гриве, что успокоило, вселило надежду: происходящее обыденно, никакой опасности нет.

Поляна быстро пустела – большая часть банды Араба отправлялась к пограничному с Грузией перевалу...

* * *

– Батонебо Мансур... перекурим, а, – оглянувшись, попросил клокочущим от усталости голосом грузинский проводник.

Его попытки изъясняться на чеченском удавались не всегда – иной раз Мансур догадывался о смысле сказанного скорее по интонации или по отдельным словам. Однако сейчас раздражало другое.

– Не здесь, – ответил он отрывистым шепотом. – Здесь проклятое место. Внимательней смотри по сторонам и говори потише...

– Почему проклятое? – послушно понизив голос до шепота и испуганно озираясь на густые заросли, вопрошал грузин.

– Ты хорошо знаешь горы там – с южной стороны, за пограничным перевалом. А тут ты новичок. Два каравана за последние шесть месяцев бесследно скрылись в этой долине. Точно под землю провалились...

Местность и впрямь представлялась не самой подходящей для продвижения группы людей, сопровождавших цепочку из двух десятков мулов, медленно петлявших узкой тропой на север. По здешним труднопроходимым дебрям следовало пробираться в одиночку или на худой конец без животных – лишь такой вариант гарантировал шанс проскочить незамеченным, выжить, добраться до цели, или же своевременно ускользнуть обратно. А скорость и неповоротливость каравана делала людей до предела уязвимыми.

Семеро хорошо вооруженных охранников, не считая грузина-проводника, размеренно и мягко переступали по сухой прошлогодней листве, почти не выдавая звуками своего присутствия в сумрачном ущелье. И верно – слишком уж удобной для организации засады представлялась густая «зеленка», прижившаяся на каменистых бесформенных нагромождениях. Дно глубокого ущелья, тянувшегося почти от самой Грузии, изрядно поросло смешанным лесом, кустарником, травой. Продвигаться по единственной тропе можно было исключительно в двух направлениях: вперед или назад; потому как крутые скалистые склоны, нависавшие над тропой и слева, и справа оставались неприступными.

– Еще с километр пути и проход станет шире. Скоро остановимся для отдыха, – успокоил грузина Мансур.

Но тон его отчего-то показался проводнику странным – в голосе сквозили нотки сожаления, точно чеченцу вовсе не хотелось поскорее выбраться из гибкого черного леса. «То со страху, – подумалось ему, – храбрится, рисуется передо мной. Ведь испугался идти первым – меня попросил, хоть и не знаю дороги. А сам только подсказывает: сейчас тропа повернет вправо, обойди валуны левее... Да еще постоянно оглядывается, будто кто-то, скрываясь в чаще, крадется за караваном!..»

Впереди показался просвет – то ли начиналось редколесье, дозволяя солнечным лучам беспрепятственно достигать земли, то ли узкая тропа на короткий миг превращалась в поляну.

– Вот тут и передохнем; покурим, – на тяжелом выдохе объявил Мансур. – А от поляны останется метров семьсот... Дальше идти будет легче...

Караван медленно достиг лесной проплещины, замедлил движение, остановился.

– Привал. Полчаса, – сказал чеченец, привязывая одного из мулов к ближайшему стволу. Покончив с веревками и узлами, кивнул двум соплеменникам: – Хорошенько осмотрите местность!..

Двое людей Мансура тотчас нырнули в заросли.

Грузин отдохнул, достал трясущимися пальцами пачку сигарет, сверкнул огоньком зажигалки, глубоко затянулся и... дернувшись телом, попятился назад, схватившись обеими руками за пробитую пулей грудь.

Одиночного выстрела никто не слышал – вероятно, пулю выпустили из бесшумного оружия. Долговязый мужчина, беззвучно хватая ртом воздух, неуклюже повалился на землю; Мансур же, мгновенно узрев опасную перемену, прыгнул в кусты и ужом прополз несколько метров в густой кустарник. Там, лихорадочно вытаскивая из-за пазухи рацию, злорадно оскалил рот, сверкавший металлическим коронками и, нажав на кнопку «передача», отрывисто произнес:

– Араб, это Мансур. Ты меня слышишь? Араб!!

– Слышу, – прорвался сквозь шипение мужской голос. – Слышу, говори!..

– Наживка сработала! Поторопись, Араб – моих людей убивают как мух!..

* * *

Генерала Ивлева Барклай неплохо знал уже несколько лет. Доверял ему безраздельно, как доверял и возглавляемому им ведомству. Только разведка Ивлева поставляла достоверные и многократно проверенные данные о шедших караванах из ущелий соседней Грузии. Чаще всего бока трудолюбивых мулов и лошадей натирали мешки с сушеным коноплей, а точнее с самыми ценными – верхними частями этого растения – измельченными в строго определенной пропорции шишками и листьями. Дважды Барклаю с группой своих парней удавалось подстеречь и уничтожить тамошние «посылки» для местных чеченских амиров. Одна была полна оружия и боеприпасов; другая состояла из конопли, медикаментов и различных взрывчатых веществ, включая дорогостоящий пластит.

Армейские и авиационные разведчики чаще подводили – выдавали ошибочные или устаревшие сведения, и каждый раз злой и уставший Барклай возвращался восьмояси ни с чем.

Но последняя операция стартовала после очередного известия от Ивлева – значит, вновь появлялась надежда на удачный исход многодневной охоты. Значит, вновь очередная посылка с оружием или страшным зельем, туманящим мозги молодежи и позволяющим чеченским амарам добывать большие деньги, не дойдет до адресата…

И вот он, долгожданный миг – один из бойцов передового дозора наконец-то просигналил: «Внимание! Вижу цель». Парни изготовились к бою – им, хорошо обученным спецам, не нужно было повторять, дублировать сигналы – сами все отлично знали.

Воевать Барклай умел. Причем не по тем правилам и канонам, что преподаются в академиях. Здесь в чеченских лесах они срабатывали редко – полевые командиры бандформирований придерживались своих устоев, своих методов ведения войны. Потому и приходилось учиться заново, вырабатывать новые тактические приемы…

Два опытных снайпера – Валерка и Димка, расположившиеся по обеим сторонам тропы, устремили со своих позиций зоркие взгляды на поляну. Двум бойцам подполковник приказал обосноваться выше, чтобы ударить с тыла и отрезать каравану путь к отступлению. Да и остальных узреть было очень трудно – парни точно растворились в «зеленке», стали частью лесистого ущелья. Заметин был лишь Толик Терентьев, лежавший по соседству с командиром, да юный лейтенант Кравец – новобранец отряда, беспрестанно отодвигавший мешавшую ветку… «Волнуется салага, – усмехнулся подполковник. – Пока не привык к нашим сумасшедшим будням. Ничего, еще десяток-другой вылазок и станет таким же, как все…»

Сколько уж подобных засад было организовано им за время долгой службы! Крошил со своими молодцами банды, выслеживал главарей бандитских соединений, подкарауливал такие же караваны… В основном хорошо продуманные операции проходили успешно – в конце концов, и сам Барклай был отличным профессионалом, и парней отбирал в свое подразделение не с улицы. Но случались иной раз и осечки. Крайне редко, но случались.

Сейчас, по его убеждению, все должно было сработать отлично – как смазанный механизм надежных швейцарских часов…

Сквозь плотные заросли, наконец, показалась чья-то тень – высокий сутуловатый кавказец, тяжело дыша, озирался и, неуклюже переставляя длинные ноги, шел по тропе. За ним, вровень с первым мулом осторожно продвигался другой – чуть моложе, пониже ростом и полнее. Следом один за другим из-за плавного поворота, огибавшего поваленное, полусгнившее дерево, появлялись навыденные животные и сопровождавшие их вооруженные люди…

До заранее обозначенного Барклаем рубежа – серого угловатого валуна, вросшего в землю посреди еле приметной лесной проплещины, оставалось немного. Сейчас тощий мужик, возглавлявший караван, поравняется с ним и…

Однако, не дойдя пяти шагов до своей смерти, тот вдруг оглянулся на второго мужчину, замедлил движение и остановился вовсе. Рука нетерпеливо скользнула за пазуху, потянула из кармана пачку сигарет... А к поляне уже подходили другие вооруженные боевики, парочка из которых расторопно шмыгнула в кусты – должно быть, осмотреть прилегавшую местность.

Первый выстрел Барклай должен был послужить сигналом для остальных бойцов. Караван рубежа не достиг – должно быть, старший объявил привал, и медлить теперь нельзя – если конвой разбредется в стороны от тропы, то задача многократно усложниться. Уже сейчас подполковник был озабочен теми молодцами, что исчезли из поля зрения.

Занимавший неплохую позицию справа от тропы Терентьев понял приказ командира мгновенно. Неприметно кивнув, он тут же тихо исчез в «зеленке». «Там будет порядок! А вот слева один Кравец. Черт! Кто же знал, что они решат тут устроить перекур?!» – лихорадочно размышлял Барклай, с трудом отыскивая хорошо замаскировавшегося со снайперкой Димку.

– Духа видишь? – знаком спросил он у него.

– Нет, – на том же языке отозвался тот.

Зато молодой лейтенант, смекнув о причине беспокойства командира, вовремя подсуетился.

– Цель вижу! – энергично просемафорил он правой кистью и с умоляющим ожиданием смотрел на подполковника.

«Ладно, – скрепя сердце, подумал тот, – не маленький уже, не курсант. Пора и ему доверять!»

И, дозволив Кравцу заняться отошедшим в заросли бандитом, поймал в прорезь прицела грудь закурившего сутулого кавказца...

* * *

Немногочисленное подразделение русского спецназа отчаянно сопротивлялось. Группа из десяти-двенадцати человек слаженно и за считанные секунды успела ухлопать почти всех людей Мансура. Тот сразу понял: здесь на крохотной полянке «посчастливилось» столкнуться с настоящими охотниками-профессионалами. Сам он так и остался лежать посреди разлапистых ветвей, сжимая в одной руке автомат, в другой портативную радио, изредка издававшую противное шипение. Не сделав ни единого выстрела, почти не двигаясь, дабы не обнаружить себя, не привлечь внимания неверных, хитрый чеченец лишь осторожно осматривался, да приглушенно поторапливал по радио Араба.

И слегка запоздавший отряд Араба все же появился. Появился как раз в тот момент, когда стрельба почти утихла, и Мансур, почувствовав пробежавший по спине холодок, наблюдал из-под куста за беззвучно крадущимися тенями русских бойцов, решивших обследовать поляну и убедиться в гибели караванного конвоя...

Да, Араб был мастером подобных делишек. Девятилетнее участие в войне, начал которую рядовым боевиком у Арби Бараева; бесчисленные вылазки, налеты, теракты, засады на дорогах – все это в результате сложилось в огромный боевой опыт удачливого полевого командира. Сегодня его умению продумывать и организовывать секретные операции мог бы позавидовать любой выпускник Российской академии Генерального штаба.

Его люди появились неожиданно. Шквал огня обрушился на русский спецназ в тот момент, когда четверо бойцов в разгрузочных жилетах и головных повязках защитного цвета достигли центра поляны – серого угловатого валуна вросшего в землю рядом с тропой. Эти четверо погибли сразу. Следом моджахеды подавили огонь двух русских, оказавшихся позади каравана. Остальные приняли бой и не собирались ни сдаваться, ни отходить назад. Занимая неплохую позицию, они отвечали короткими и точными очередями из своего мощного

бесшумного оружия и в свою очередь тоже изрядно потрепали отряд Араба. Его моджахеды напирали с южной стороны; не жалея патронов, давили; пытались обойти поляну по скальным уступам и взять спецназовцев в клещи... Но те отчаянно отстреливались, прекрасно владели оперативной обстановкой и пресекали любые хитрости мусульман.

Скоро и с той и с другой стороны в ход пошли гранаты.

Схватка грозила стать затяжной...

Однако все решил один из расторопных воинов Мансура. Тот самый, что был послан им в сторону от тропы – осмотреть местность. Именно его находчивость и решила исход кровавого поединка на дне лесистого, глубокого ущелья.

Способ второй 2-4 сентября

Крепкие матерные словечки так и норовили вырваться из уст связанного Барклая. Им бы – этим словечкам, сейчас не помешали ни разбитые губы; ни сочившаяся, солоноватая кровь, которую поминутно приходилось сплевывать...

Да что от них было проку?! Ругаться следовало раньше, когда готовил и натаскивал прибывшую из училища молодежь.

Мало натаскивал! Недостаточно был строг и требователен! Редко наказывал! Да что там наказывать?! Гнать следовало в три шеи в армейский спецназ тех, кто не дотягивал, не укладывался в жесткие требования. А теперь... Теперь следовало молиться богу или уповать исключительно на удачу, на счастливый случай. Но надежд на эти «чудесные» составляющие успеха становилось все меньше и меньше.

Троицу выживших бойцов куда-то вели по скользкой пыльной тропе. Руки их накрепко скручивала длинная веревка, образующая единую связку; глаза закрывали плотные повязки, свернутые из их же, спецназовских бандан. Ноги для самостоятельного передвижения оставались свободны, да от этого легче не становилось.

Первым в связке, спотыкаясь, шел подполковник; вторым шагал его заместитель Толик; замыкающим плелся молодой Кравец.

Идиот! Салабон в лейтенантских погонах!.. Именно из-за его нерасторопности и слабости пришло...

Барклай зло сплюнул опять накопившуюся во рту кровь.

Способных продолжать бой у лесной проплещины оставалось трое: Толик, раненный Димка Логинов и сам Барклай. Не много, если рассчитывать на благополучный финал в проигранной операции; но и не мало, для того чтобы испортить «чехам» праздничное настроение по поводу хитро организованной ловушки. Втроем они еще поспорили бы с бандой. Ох, как поспорили, если бы не слабак Кравец!..

Признаться, подполковник посчитал его убитым, когда тот, нырнув в заросли за ушедшими в сторону от тропы бандитом, надолго пропал из виду.

Да... лучше бы его там убили!..

Грех, конечно, так рассуждать, но...

Но мальчишка оказался жив. Мало того, бандит обезоружил лейтенанта и, прячась за обмякшим телом, выволок из кустарника, приставив к горлу десантный нож.

Вот тут-то, увидев обезумевшие от страха и полные страдания глаза молодого подчиненного, Барклай хрюстнул с досады своим автоматом о камень и медленно встал, подняв руки.

Встал и Толик. Раненный Димка подняться не смог...

Человек, не ведавший ранее провалов, будет до самой последней минуты надеяться на чудо, на счастливое спасение. И лишь тот, кто успел не раз побывать в когтях смерти, способен в самой критической ситуации более или менее четко себе сказать: да, приятель – это конец. Барклай даже в то ужасное мгновение, когда пришлось поднять руки, не считал положение безнадежным, еще лелеял надежду на другой исход, ибо случались в его биографии схожие переделки. И каждый раз выпутывался, отыскивая крошечную лазейку, изобретая единственно возможный способ...

Но теперь все складывалось иначе – из зарослей появлялись все новые и новые боевики; вооруженные до зубов, озлобленные потерями; с волчьими, наполненными ненавистью взглядами...

Тогда-то он и буркнул:

– Все. Отвоевался.

Раненного Димку Логинова добили сразу, без единого слова, без секунды сомнения. Прищурив колючие глазки, предводитель банды подозрительно косил и на окровавленное колено Барклай. Правда, позже, когда оставшихся в живых русских избивали, он принял решение отсрочить его смерть – несмотря на касательное ранение, тот все же крепко стоял на ногах...

И вот, избитых, связанных, утерявших веру в спасение, под конвоем многочисленного отряда их куда-то ведут. Впрочем, где бы они ни оказались, перспектива оставаться в живых не маячила – не перерезали глотку в ущелье, значит, решили приберечь для показательной казни в бандитском стане.

– Так мне, мудаку и надо! – прошептал Барклай разбитыми губами. – Полгода собирался написать рапорт! Нет, опять поперся!.. Дома такая баба ждет, а я ползаю по этим скалам во главе детсадовского сброва. Старый приурок!..

– Брось, Барк. Кто ж знал, что так случится, – послышался за спиной приглушенный голос Толика.

Вздохнув, командир группы промолчал...

Нет, он обязан был предугадать, предусмотреть все нелепости, приведшие к провалу задания, к гибели группы. Сколько сотен километров намотал пешкодром по горам, да по лесам чеченским! Сколько сожрал сухпаев! Скольких товарищей здесь похоронил!.. А до конца прокачивать подобные нюансы так и не научился.

Толик – капитан Терентьев, хороший парень. И в такую минуту найдет пару слов, чтобы попытаться успокоить, поддержать. Однако нетрудно представить, каково сейчас ему. Года не прошло, как получил капитана; женат всего пару лет; скоро станет отцом...

По крайней мере, должен был им стать.

«Чертова повязка на глазах!» – подполковник поморщился от боли, оступившись на каменной россыпи пологой тропы. Вблизи той несчастливой поляны одна из чеченских пуль саданула по самому краю коленного сустава. Того самого больного сустава, что лечил в лучших московских клиниках почти год. Трижды ложился под нож хирурга... И вот опять. Вся левая голень давно была мокрой – кровь основательно пропитала штанину до самого ботинка. Да что там до ботинка – даже ступня ощущала неприятную липкую влагу.

Пронзительная боль отогнала мысли о Толике. Но не надолго...

Терентьев попал в его группу пару лет назад, когда, напоровшись на засаду во время одного из рейдов, Барклай потерял половину своих людей. С достойной заменой своевременно пособил Ивлев, носивший тогда полковничьи погоны – порекомендовал четверых надежных ребят из армейского спецназа. Прибыл в той четверке и Анатолий.

Так и познакомились...

Потом потянулись бесчисленные вылазки; затяжная операция по выслеживанию Абдул-Малика и прочие передряги, в одной из которых Терентьев спас своему командиру жизнь.

Та прошлогодняя операция определенно должна была стать для Всеволода последней. Так уж случилось, что у развернутого аппарата спутниковой связи он оказался один – в спешке вызывал необходимое как воздух подкрепление. Парни под бешеным огнем вытаскивали двоих раненных с каменистого берега горной речушки. В тот момент Толик и засек снайпера, целившего в Барклай. Достать чеченца очередью было сложно – позицию дух выбирал с умом – за грядой исполинских валунов. Потому и решился капитан стрелять не в него, а пнуть подполковника – пустил пару пуль над самой макушкой.

Барк, не будь дураком, сразу рухнул – распластался на речной гальке, а не то чеченский свинец спустя секунду непременно бы вышиб мозги...

Да, тогда ускреблись, отбились, выжили. Повезло.

А сегодня не получилось...

* * *

«Человек любит и чувствует сердцем, а извилины так и норовят включить сомнения. Мешают, тормозят естественный процесс. Черт бы их побрал, эти извилины!..» – вяло рассуждал Барклай, вперив взгляд в полосу солнечного света и вспоминая о любимой женщине, должно быть, ждавшей его сейчас в крохотном уютном гарнизоне на юге Ставропольского края. Желтая полоса врываилась в открытую дверь каменной лачуги, где подполковник с двумя молодыми сослуживцами парился вторые сутки. Короткий луч медленно полз по усыпанному грязной сухой соломой полу; становился длиннее и, кажется, менял оттенок...

Мысли о побеге не беспокоили, не бередили остывшую душу. Все мечты и сомнения померкли – побег был просто невозможен. Руки пленников не стягивали веревки, зато к ногам крепилась массивными «манжетами» толстая и ржавая цепь. Единой змейкой она опутывала троицу офицеров и концом своим была намертво прикручена к вкопанному в землю раскуроченному станку от пулемета ДШК. Откопать эту хрень свободными руками, ежели постараться, конечно, можно. Однако у раскрытой двери – снаружи сарайчика, постоянно торчали «духи». Сидели, ублюдки, скрестивши ноги, сверкали колючими темными глазищами, судачили на басурманском языке, да скалили белые зубы в злобных своих ухмылках.

Тут не то что выдернуть из слежавшейся породы стальную раскоряку – оправить малую нужду в углу хибары без присмотра не получалось. Стоило шевельнуться – бандиты разом замолкали и вскидывали автоматы. Оттого, видать, и дверь не закрывали, сволочи, чтоб глаз не спускать.

Вот и вспоминал Всеволод Барклай свою жизнь, привалившись спиной к прохладным булыжникам, понуро свесив коротко остриженную голову, да наблюдая за неторопливым странствием по земляному полу полоски света. Перебирал, неторопливо ворошил сорок лет своей жизни...

Вряд ли эти воспоминания были сплошь хорошими. Немного сутуловатый, но крепкий – с широкими покатыми плечами мужик, успел пережить многое. Усталые, зеленовато-карие глаза, вокруг которых уже завязались мелкие морщинки, скорее излучали печаль по чему-то несбывшемуся, нежели тосковали о потерянном. Да и что по большому счету удалось повидать за те суетные восемнадцать лет, одним коротким мигом пролетевшие после окончания военного училища?.. Служба, тренировки, командировки в горячие точки, бесчисленные боевые операции, ранения, и столь же бесчисленные госпитальные палаты... Многое, как говориться, уже осталось за его плечами. Жизнь перевалила экватор, и изученного, познанного посредством проб и ошибок, сделанного на совесть не сосчитал бы никто – набиралось этого с излишком. Неприхотливость с выносливостью вошли в привычку; болевые ощущения как у всякого человека перешагнувшего рубеж сорока, притупились; почти все решения и действия, благодаря огромному опыту, принимались автоматически – на «автопилоте»...

Первый и единственный брак вспыхнул яркой звездочкой в сумерках однообразных будней. Свою будущую жену он повстречал в одном из темных переулков соседнего с гарнизоном городка – отбил у троицы то ли пьяных, то ли обкурившихся конопли молодцов. Возвращаясь из гостей, засыпал женский крик, поспешил на помощь... Юных насильников раскидал мощными ударами в считанные секунды. Один из них, кажется, остался после того короткого «разговора» инвалидом – родители добились уголовного дела; ставшая чуть позже супругой Наталия проходила по делу и потерпевшей, и свидетелем, но своего спасителя не выдала. «Не знаю, кто это мог быть, – упрямо твердила она следователю, – не видела его ни до, ни после. Подоспел, раскидал ублюдков и был таков...» По правде говоря, Барклай нес ее от места недолгой схватки до центральной улицы на руках – та пребывала в шоке. Поймав такси, привез домой, послал отмываться в ванную, затем накормил ужином и уложил спать в отдельной комнате. Так

и не дознался следак из районной прокуратуры до истины; так и остался спаситель «неизвестным»... Их любовь и супружество продлилось чуть дольше года, затем огонек стал затухать, покуда не погас совсем. Наталья – обычной наружности женщина – ни пава, ни ворона, устав от постоянных ожиданий и нервотрепки, связанной с его частыми и стремительными отъездами, тихо собрала вещи и ушла. С тех пор он ее не видел. Точнее, не захотел предпринять попытки увидеть, вернуть или что-то изменить. Знал: изменить невозможно. Предательством ее бегство не счел, полагая: она заслуживает лучшей судьбы, чем серая жизнь в стандартной гарнизонной хрущевке; одинокое, наполовину вдовье существование.

Через пару лет после развода он повстречал симпатичную девушку с красивым и модным тогда именем Сусанна. И снова зародилась любовь, помогая излечиться и позабыть неудавшийся брак. Одному богу было известно, сколько надежд связывал Барклай с новым знакомством, сколько душевной теплоты вкладывал в быстро развивавшиеся отношения!.. Да, он был самым обычным мужиком – ослепительных достоинств не имел, как, впрочем, и явных недостатков. Однако же любовь беречь умел, глубоко веря в святость и ценность этого редкостного таинства. Тем удивительнее стала внезапная перемена в поведении невысокой жгучей брюнетки – месяца через три в ее речах замелькали странные фразы о дружбе; о том, что вряд ли она сможет отвечать ему той же пламенной страстью... При этом каждый раз в шутку просила не считать ее стервой. Не отыскав в анналах памяти ни единого поступка, способного стать причиной разрыва, он долго корил себя за неумение сохранить, сберечь хрупкое к себе чувство. И только много позже, вспоминая и переосмысливая ту быстротечную связь, внезапно осознал: очень многое в повадках любительницы бесконечных тусовок, частых посиделок в кафе и многочисленных званых вечеров в своем доме, подходило под емкое определение «стерва». Возможно, Сусанна собиралась сменить поднадоевшего муженька, да выведав о скромных суммах, коими государство почивало своих израненных в горячих точках героев, потеряла интерес к Барклай. Или же просто, добившись любви, занесла ее в список многочисленных побед, да на том и охладела, переключившись на следующую жертву... Впрочем, зла на нее Всеволод не держал. Из депрессии худо-бедно выбраться помогла, а погасить любовное пламя удалось на удивление просто – чего страдать и маяться из-за пустого человека?.. Ежели легкомысленная дурочка – так то до прихода мудрой старости; ну а коли стерва... Стервой баба перестает быть лишь на последнем вздохе.

Подполковник медленно провел ладонью по колючей щеке; не обращая внимания на автоматный ствол, тут же обратившийся черным «зрачком» в его сторону, потер воспаленные глаза; переменил позу, чтоб не затекло раненное колено. И принялся вспоминать о своей Виктории...

Нынешнюю свою ненаглядную любовью – Вику, он приметил давно. Стойкая, сероглазая шатенка – жена одного из директоров банка соседнего городка, приглянулась сразу, едва устроилась работать врачом в медсанчасть их гарнизона.

И случилось это аккурат через три года после ухода жены...

Работая врачом-терапевтом в медсанчасти гарнизона «Южный», Вика прекрасно знала весь состав отряда особого назначения. Проверяя давление и пульс каждому, кто проходил регулярные обследования, она нередко выслушивала комплименты, анекдоты и прочую ерунду. Изредка кому-то отвечала, с кем-то не разговаривала никогда, но, глянув в лицо любому, зашедшему в терапевтический кабинет спецназовцу, вмиг безошибочно вспоминала имя, фамилию, должность и звание.

Ей было около двадцати шести. Девушка неброской, но мягкой красотой и удивительным обаянием привлекала многих. Острый ум и неизменное чувство юмора, позволяли, тем не менее, постоянно блюсти дистанцию, тактично усмирять пыл некоторых отважных и восторженных поклонников из числа рядовых, сержантов и офицеров...

Она долго и внимательно присматривалась к Барклаю. Возможно, актерской или журнальной красотой тот не блистал, но обладал именно той привлекательностью, которая сводит женщин с ума зачастую быстрее и основательнее. Статный, широкоплечий; с короткими, но густыми волосами; с приятным бархатным голосом; с умным взором выразительных, зелено-вато-карих глаз. Не раз она любовалась мускулистым загорелым телом, когда офицер, разделенный до пояса, стоял перед ней на очередной комиссии и дышал полной грудью; не раз терялась под его проницательным взглядом...

Будучи много старше ее мужа, Всеволод развелся с женой и засиделся в бобылях, не торопясь исправлять положения. Порой молодая женщина порывалась спросить: отчего до сих пор один? Почему не найдешь близкого человека?.. Не взирая на иерархию и законы субординации, Виктория легко бы задала подобные вопросы кому угодно – ей сошло бы; да и вряд ли игривое любопытство обидело бы кого-то. Но в общении с Барклаем, что-то сдерживало и подавляло привычную смелость.

Увы, далеко не все складывалось в ее жизни. Скольких нервов стоила супругам неудачная беременность Вики. В гарнизоне никто не узнал о трагедии ее семьи. Ни один человек не догадался о беде, кроме Всеволода...

Вернувшись из больницы, она вышла на первое дежурство. Едва высыхали слезы, как мысли о несостоявшемся материнстве, вновь заволакивали глаза предательской влагой. Бойцы шумно вваливались в плохо освещенный кабинетик, балагурили, шутили – подошел срок очередного медицинского освидетельствования... Барклай же, появившись как всегда тихо и молча, привычно уселся на стул, опустил на край стола мускулистую руку с завернутым рукавом камуфляжной куртки и почему-то надолго задержал взгляд на лице врача-терапевта, пока та отсчитывала пульс. Заполняя журнал, Виктория уронила слезу на строчку с его фамилией. Вся страничка была уже в маленьких мокрых кружочках...

Когда иссякла очередь за дверьми кабинета, подполковник неожиданно вернулся и опять безмолвно сел перед ней.

– Вы же прошли комиссию, Всеволод... – прошептала она, отвернувшись к темному окну.

Он осторожно положил теплую ладонь поверх прохладной женской руки и, погладив, слегка сжал...

Никому она не позволяла прикасаться к себе, но девушка уже достаточно хорошо знала этого человека, чтобы понять – не было в том поступке ничего, кроме искреннего желания помочь, утешить, подбодрить... Конечно же, он не ведал причин, катившихся по щекам слез, но не лез с расспросами, а просто видел и ощущал, как ей плохо.

Через минуту офицер вышел, так и не проронив ни слова.

Медленно повернув голову, Виктория обнаружила лежащий на мокрой журнальной странице первый весенний тюльпанчик. Из-под нежного цветка выглядывала маленькая шоколадка.

Рука еще долго сохраняла теплоту сердца Барклая...

«Да, все правильно... Человек любит и чувствует сердцем, а мозги так и норовят включить сомнения. Мешают, тормозят естественные процессы. Черт бы их побрал, эти мозги!...» – снова подумал подполковник и попытался растянуть в улыбке опухшие губы.

– Хотелось бы знать, черт побери... – вдруг мечтательно произнес Толик.

– О чём? – вернулся в действительность Барклай.

– Кто у нас Ириной родится, – вздохнул капитан. – Пацан или девчонка...

В другое время командир непременно что-нибудь сказал бы по этому поводу – подбодрил бы, успокоил будущего отца. Но теперь решил воздержаться, промолчал...

В этот миг за дверным проемом каменной лачуги замельтешили чьи-то тени, послышались громкие голоса. Охранники встали с насиженных мест, повесили автоматы на плечи.

Подняли поникшие головы и пленники.

– Выходы по одному! – послав смачный плевок внутрь хибарки, скомандовал самый бойкий чеченец с жиденькой бородкой и в темных очках.

Звякая цепью, офицеры медленно направились к открытой двери. На выходе из каменного сарайчика каждому связывали руки и снимали с ног металлические манжеты. И вскоре троицу пленных, подталкивая в спины, вели к центру бандитского лагеря…

Опять оказавшийся в связке первым, Всеволод выглядел хмурым и злым. Но отнюдь не от предчувствия близкой смерти. Причиной тому служило осознание собственного бессилия перед обстоятельствами. Ведь именно оно – бессилие, является самой страшной мукой для сильных людей. Ничто другое так не страшит и не опустошает их, как понимание своей неспособности изменить грядущие события…

* * *

В глубине обширной, слегка пологой поляны, вокруг которой вытянутой дугой располагался лагерь, уже поджидала толпа рядовых боевиков. Их предводитель – хмурый кавказец с двумя седыми прядками в черной бороде, привычно устроился в старом кожаном седле, брошенном на траву меж двух высоких древесных стволов.

Под одобрительные выкрики и злые усмешки толпы спецназовцев вытолкали на середину.

– Интересно… И каким же способом они нас?.. – проворчал Толик, избегая произносить самое неприятное слово.

– Не терпится узнать? – покривился Барклай и осторожно покосился на лейтенанта.

На том не было лица – бледные губы подрагивали, испуганный взгляд метался по окруже… Метался до тех пор, пока не уперся в того фраера в темных очках и с редкими крупными зубами, что живо распоряжался у лачуги. Похоже, и здесь – у места предстоящей казни, роль «дирижера» принадлежала ему.

Редкозубый, беспрестанно поправляя на плече американский пугач – бестолковое в серьезных перестрелках помповое ружье, прошел мимо юного лейтенанта и, остановившись против подполковника, процедил:

– Ты умрешь последним.

– Отчего такая щедрость? – ухмыльнулся в ответ Всеволод.

– Ты же главным был у неверных? – оскалив ряд отвратительных зубов, проявил тот поразительную догадливость. – Вот и посмотришь сначала, как твои люди испускают дух.

– Мы все умрем одинаково – молча. Так что не надейся на спектакль.

Засмеявшись с нарочитой громкостью, бандит обернулся к соратникам и крикнул по-чеченски:

– Героя из себя строит! Сейчас посмотрим на смерть русского героя.

Чеченский язык Барклай понимал неплохо – сказывались годы, проведенные в этой республике.

– Знаешь, абрек, что я тебе скажу на прощание?.. – чуть подавшись вперед, таинственно молвил он.

– Ну? – сверкнули недобрым любопытством черные, маленькие глазки.

– Заряди эту американскую берданку самой крупной картечью и отстрели себе яйца! Чтоб ваши бабы таких уродов больше не рожали.

Моджахед позеленел от ярости и, сорвав с плеча куцее ружьишко, вознамерился угостить пленного прикладом.

– Вахид! – послышался повелительный оклик сидевшего на кожаном седле амира, вероятно не желающего портить отлаженной «театральности» зрелица.

Распорядитель остановился, что-то пробормотал сквозь неровные зубы и послал второй плевок в сторону русских.

Стоявший в центре троицы Терентьев беззвучно ржал...

– Умеешь ты, Барк, теплое словцо людям сказать. Особливо при расставании.

Теперь от усмешки не смог удержаться даже лейтенант. Усмешка хоть и вышла вымученной, да видно подействовало поведение не падавших духом старших товарищней – губы уж не дрожали, взгляд стал осознанным.

– Людям... – проворчал подполковник. – Где ты их тут увидел? Людей-то?..

– Раз такой умный – примешь сметь первым! – прошипел смуглолицый фраер.

По его команде двое боевиков вцепились в одну руку подполковника, двое схватились за другую. Отсоединив его от общей связки, поволокли к ближайшему дереву...

По прошествии нескольких минут Барклай напоминал распятие – не хватало лишь исполнинского креста за спиной, да тернового венка на коротко остриженной голове. Правое запястье было накрепко привязано толстыми веревками к стволу старого кряжистого дерева, левое – к упряжи нетерпеливо топтавшегося на месте могучего гнедого жеребца. Рядом с конем, скучая и удерживая повод, стоял одноглазый чеченец преклонного возраста – терпеливо ждал приказа амира.

Все было готово для начала казни.

Араб на миг задумался, припоминая, что говорил своим людям пару дней назад; привстал с седла, мысленно подбирая свежие фразы...

– Братья! Единоверцы! – начал он со своего обычного обращения, но после небольшой паузы, повернув речь в глубокую историю: – Уже через восемнадцать лет после смерти Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), мусульмане, ведомые достопочтенным Са'дом ибн абу Ваккасом, отправились к восточному побережью Китая, где получили разрешение императора поселиться и построить мечеть, которая стоит и по сей день. Тогда мусульманам казалось, что жизнь среди иноверцев не создаст для них неразрушимых проблем. Однако все обернулось иначе...

Терентьев с Кравцом поглядывали на командира, и во взглядах этих смешалось все: ожесточение на горцев за дикие нравы, злость на собственную беспомощность; сочувствие.

Барк стоял широко разведя руки. Битюг нехотя переступал передними ногами, ковыряя копытами землю; и когда мощное тело ненароком отодвигалось слишком далеко, веревка, схваченная одним концом за постремку, а другим за левое предплечье мужчины, натягивалась, норовя вырвать или покалечить сустав. Подполковник морщился от боли и, напрягая мышцы, пытался удержать коня от перемещений...

Путаная, пространная речь местно предводителя завершалась.

Он декларировал последнее возвзвание; заученно выкрикивал последний лозунг, как всегда призывающий братьев к смертному бою с неверными...

Наконец, усевшись в распластанное на траве седло, полевой командир привычно кивнул одноглазому конюху.

Тот, что-то пробормотав в ответ, так же привычно шагнул в сторону от приговоренного к смерти; поддернул повод и увлек за собой жеребца.

Всеволод поднатужился, побагровел, пытаясь согнуть в локтях руки...

Но силы были не сопоставимы – раздувая ноздри и фыркая, могучее животное, вероятно не замечая слабого для себя сопротивления, двинулось вперед.

Постромочный ремень, соединяющий веревочное подобие хомута с вальком, съехал до предела назад. Прочная веревка сзызнова натянулась струной...

Лейтенант Кравец, будто нутром слыша трещавшие связки командира, порывисто отвернулся и закрыл глаза; Терентьев тяжело дышал, скрежетал зубами и выдавливал ядреные матерные словечки...

И вот, когда уж, казалось, плечи крепкого русского мужика не выдержат, и одна из конечностей вот-вот выскочит из сустава, изрядно окропляя сочную зелень поляны кровью из разорванных артерий, конь внезапно заартачился: ослушавшись одноглазого, остановился.

Красивая голова гнедого жеребца поднялась, настороженно застыла; ноздри и уши пришли в движение...

Пожилой чеченец с черной повязкой на лице удивленно прикрикнул на него, настойчивее потащил вперед...

Но тщетно. Чем-то обеспокоенное животное выполнять чужую волю не торопилось.

Подал голос и Араб – заминка показалась странной и несвоевременной. Конюх быстро ответил и с удвоенной энергией налег на повод. На помоху ему спешил распорядитель казни – редкозубый кавказец с помповым ружьем за плечом.

И тут до слуха бандитов, находившихся на нижнем краю поляны, донесся мерный рокот вертолетных двигателей. Амир немедля вскинул вверх правую руку, призывая соплеменников к тишине; прислушался...

Гул стремительно нарастал и, судя по его многоголосию, к склону приближался не один, а несколько вертолетов.

Бандитский лагерь, еще минуту назад степенно ждавший кровавого зрелища, разом пришел в тревожную суету: кто-то отдавал команды, кто-то бежал с докладом к амиру, кто-то щелкал оружейными затворами и магазинами...

Встрепенулись, закрутили головами и русские офицеры – усиливавшийся с каждой секундой звук был до боли узнаваемым; вмиг в сердцах затеплилась надежда. Один лишь Барк по-прежнему боролся за свою жизнь – испуганного коня, не желавшего стоять на месте, едва удерживал одноглазый хозяин.

Из-за верхушек кедров внезапно вынырнула первая пара пятнистых вертолетов. Хищные удлиненные тела «крокодилов» быстро прошли параллельно склону. За ними показалась вторая пара – на той же высоте и скорости парили «эмтэшки».

Возможно, летчики и не заметили бы разбитый вокруг поляны и неплохо замаскированный лагерь, да Араб явно дал маху – не успел охладить воинственный пыл своих молодцов. Вслед каждой винтокрылой машине потянулись десятки едва различимых на фоне голубого неба бледно-желтых трасс.

Пилоты легко определили зону, откуда велся огонь, и ведущий первой пары, заломив приличный крен, вывел звено на боевой курс для ответной атаки...

Терентьев опомнился первым. В отличие от недвижимого Барклай, все еще напоминавшего распятие, капитан с лейтенантом могли передвигаться. Руки их были связаны – обоих соединяла веревка, однако ноги оставались свободны. Толик потянул за собой растерявшегося лейтенанта, подскочил к повисшему на жеребце одноглазому чеченцу, двумя руками выхватил у того из-за пояса нож и ринулся к командиру.

В этот миг и оглушил первый взрыв.

Никто не предполагал такого поворота событий: ни русские пленные, ни хозяева лагеря – чеченцы. Все смешалось, все пришло в движение от серии беспорядочных разрывов неуправляемых реактивных снарядов, выпускаемых сначала первой парой вертолетов, затем второй. Все вокруг стало напоминать ад...

Когда натянутая жеребцом веревка была перерезана, подполковник не удержался на ногах – упал на колени и схватился за левое плечо. Капитан, тем временем, торопливо резал узел, стягивающий руки лейтенанту.

Скоро оба освободились от пут и тащили Баклай к небольшой лощинке, где можно было укрыться от свистевших над головами осколков.

Вертолеты сделали второй заход, расстреливая теперь окружавший поляну лес.

– Это полдела. Это только половина... – задыхался от боли подполковник. – Еще надо умудриться смыться отсюда, чтоб чичи не заметили, и свои не уокошили...

– Что-нибудь придумаем! – запальчиво кричал Терентьев сквозь грохот, пригибая голову Кравца поближе к земле. – Ты как, Барк? Идти можешь?

– Куда я денусь!..

Но и дальнейшие события продолжали поражать троих офицеров своей непредсказуемой стремительностью. Вертолетное звено после второго захода внезапно переменило тактику: два Ми-24 и один Ми-8МТ зависли на удалении пятисот метров от склона и поливали лес из пулеметов. Вторая «восьмерка» снизилась и аккуратно подползла к самому краю поляны; и ее курсовой пулемет так же коротко огрызился прицельными очередями.

– Сева! А ведь это за нами!! – радостно заорал капитан. – За нами пришла вертушка! Чтоб мне лишиться одного яйца, Сева!..

Вскочив и пригнувшись, спецназовцы побежали к окраине леса, где мелькали в бешеном вращении лопасти «эмтэшки». Вертолет медленно приближался к оконечности поляны и завис, наконец, едва касаясь левым шасси склона. Однако стоило троице пленных оказаться в поле зрения экипажа, как машина резко отпрянула в сторону, развернулась носом, закачалась в воздухе...

– Свои! Мы свои!! – неистово размахивая руками, орал Терентьев. – Мы здесь!! Нас-то заберите, е... вашу мать!..

– Стреляют по ним, не видишь?! – рявкнул ему в ухо Барклай. – Дай-ка мне эту хрен!..

Выхватив у капитана трофеинный нож, он ловко подбросил его здоровой правой рукой, перехватил поудобней и, развернувшись, с силой куда-то запустил... .

Из-за толстого кедрового ствола, держась за рукоять торчащего в груди ножа, покачиваясь, вышел кривозубый распорядитель казни. Темных очков на удивленном лице уж не было; квадратная бородка пиняла горизонтальное положение; помповое ружье высокользнуло из рук... Сделав несколько неуверенных шагков, приближенный Араба рухнул наземь.

Тотчас вертушка поплыла обратно к склону. Дверка с круглым иллюминатором быстро отъехала назад; крутанувшись, упал металлический трап в три ступени, приглашая в спасительное нутро грузовой кабины. Офицеры один за другим запрыгнули внутрь. Всеволод упал на откидное сиденье и вновь схватился за покалеченное плечо; лейтенант застыл у желтой топливной бочки и бездумно водил из стороны в сторону широко открытыми, осатаневшими от неожиданного спасения глазами. И лишь расторопный капитан, не потерявшиесь, схватил протянутый пожилым борттехником автомат, присел у открытой дверцы на колено и, стал яростно поливать свинцом удалявшиеся заросли...

Спустя двадцать пять минут звено вертолетов подлетало к окраине Ханкалы. Барклай подошел к пилотской кабине, навис над техником и протянул командиру здоровую руку:

– Спасибо, парни. Век вас не забудем.

– Не за что, товарищ подполковник. Мы и сами рады такой удаче. Не чаяли уж вас найти, – ответил крепким рукопожатием управлявший вертолетом молодой человек с приятной, располагавшей внешностью.

Поочередно пожимая ладони и другим членам экипажа, Всеволод искренне удивился – авиаторам откуда-то было известно его звание.

– Выходит, вы нас искали? – уставился он на командира.

– Само собой! Задачу нам утром поставили, район для поиска приблизительный обозначили.

- А кто жставил задачу?
- Нас-то командир полка отправлял. А ему, вроде, распоряжение пришло из верхов. Говорят из Управления разведки.
- «Ивлев!.. – промелькнула радостная догадка, и Барк расплылся в довольной улыбке, – конечно, Ивлев! Этот генерал своих в беде не бросает. Золотой мужик!..»
- Вас как звать-то, спасители? – хлопнул он по плечу пожилого бортача.
- Меня Палычем все кличут, – пробасил тот.
- Капитан Скопцов. Максим... – обернулся на секунду командир. – А можно просто – Макс.
- Андрей, – скромно представился лейтенант, сидевший в правом пилотском кресле.
- Ну, а я подполковник Барклай. Всееволод Барклай.
- Наслышины. Очень приятно. Случайно, не с гарнизона «Южный»?
- Точно. Оттуда. А вы откуда?
- О! Так мы, почитай, соседи! – радостно завозился на своем простеньком сиденье Палыч. – И мы с юга Ставропольского края сюда в командировки мотаемся!.. Аэродром «Заречье» – слыхали, небось, товарищ подполковник?
- Так это же действительно рядом!.. – совпадение заставило удивиться вторично. – Тогда вопрос решен – с нас три литра спирта и закуска. Встречаемся после окончания командировок!.. Всех приглашаю в гости.
- С удовольствием!
- Это дело мы уважаем!.. – заулыбались в ответ авиаторы.

Способ третий 10-11 декабря

В течение дня погода менялась – давление резко падало и к вечеру свежий, порывистый ветер натянул на северо-восточную часть Черного моря серую облачность. Подгоняя наступление темноты, ее тяжелые слои растворяли, почти не пропуская и без того слабые лучи холодного декабряского солнца. Обширный циклон, накрывая взбалмошным краем украинское, российское и грузинское побережье, хмурил небо и бередил поверхность ледяной воды. Метеослужбы в экстренном порядке предупреждали прибрежные населенные пункты о надвигающемся шторме...

Завершая полет над нейтральными водами, Ми-8МТ, пилотируемый майором Скопцовым, выполнил последний плавный разворот и взял курс на родной берег. Погода портилась стремительно – следовало поскорее возвращаться на базу. Летчик уже подтвердил по радио информацию о преследовании сторожевым кораблем грузинских ВМС российского танкера. Наш корабль шел на приличном удалении от территориальных вод Грузии и направлялся в порт Новороссийска. Однако натянутые отношения с южным соседом в последние месяцы преподносили все новые и новые сюрпризы. Такие, как, к примеру, сегодняшний.

Два с половиной часа назад экипаж Скопцова подняли по тревоге и, вкратце обрисовав задачу, приказали выполнить разведывательный полет в данный прибрежный район. Суть задания была несложной: капитан танкера, связавшись с береговыми службами, запрашивал помощи – слишком уж нагло вели себя грузинские военные моряки. К тому же из Управления разведки сообщили: на перерез танкеру с севера движется второй сторожевик. И чем грозила завершиться данная провокация, пока оставалось загадкой. Максу требовалось разыскать наше судно, определить место и подтвердить провокационные действия грузинских кораблей беговой охраны.

С первой задачей он справился быстро – дымка еще не успела ступиться, и длинный корпус ржаво-коричневого цвета проявился из свинцовой серости, когда вертолет удалился от берега на сорок километров. На непозволительно близком расстоянии от него шел параллельным курсом первый сторожевик. Пилот выполнил несколько заходов над небольшим военным кораблем, неотступно следующим за танкером сзади и чуть левее. Нарочно снижаясь до предельно малой высоты, он проносился над ним, едва не касаясь винтом верхушки мачты, дабы поумерить пыл зарвавшихся пограничников. Затем, качнув фюзеляжем – попрощался с экипажем танкера, повернул, набирая высоту, на северо-запад – именно оттуда по данным разведки двигался другой корабль грузинских ВМС...

– Вон он чешет! – указал куда-то вправо и вперед второй пилот.

Командир чуть надавил на правую педаль, подтолкнул ручку вправо – подкорректировал курс, направляя вертолет ко второму сторожевику, резво плывшему наперерез российскому судну.

– И какого хрена привязались!? – возмутился бортч, беспокойно почесав небритую щеку. – Прям не живется спокойно бывшим братьям... Так и нарываются!..

– Палыч, – обеспокоено проговорил Скопцов, провожая взглядом чужой корабль, – отстрели-ка пяток ракет. Не нравится мне их поведение.

Борттехник дотянулся до прямоугольного пульта и принялся нажимать кнопки с трехсекундным интервалом. От хвостовой балки винтокрылой машины с той же задержкой стали отделяться огненные шары – сигнальные ракеты. Зачастую этот прием помогал – выпущенная по низколетящему вертолету ракета с тепловой головкой наведения ошибочно осуществляла захват ложной цели.

Не долетая до судна, вертолет выполнил левый доворот и взял прежний курс на берег. В эфир полетел короткий доклад разведчика о курсе следования и предполагаемых намерениях второго сторожевика.

«Ну, вот и отработали, скоро будем дома. До „Заречья“ час двадцать лета, – вяло проползла мысль. И сейчас же вспомнился любимый человек, дожидавшийся в его однокомнатной служебной квартирке; радостная волна охватила, согрела душу... Макс, сел поудобнее, чуть сдвинул блистер назад, прикурил сигарету и с удовольствием затянулся дымком. – Завтра суббота... Необходимо продумать, как провести с Александрой выходные, чтоб не заскучала, не затосковала по родной Самаре. Надобно съездить с ней в Ставрополь или в Минводы. Показать местные достопримечательности, сходить в театр, прогуляться по вечернему городу, посидеть в кафе... Скоро Новый год; отпразднуем его, разумеется, вместе – с Лихачевыми. Как хорошо, что Сашенька сдала сессию досрочно».

Да, отныне отошли на второй план те желания, те вольготные времена, когда они собирались с однокашниками расписывать пульку, а в итоге напивались в зюзю. Как-то быстро и сами собой забылись устоявшиеся холостяцкие привычки, а вместе с ними и десяток длинноногих девиц, по очереди или скопом навещавших одинокого красавца по ночам и услаждавших его в постели...

Мысли вернулись к полету. Сейчас предстояло приступить к набору безопасной высоты, для того чтобы перевалить западную оконечность Кавказского хребта. А садиться на родном аэродроме придется уже в темноте...

Макс распрямил затекшую спину и вдавил кнопку «Радио» на ручке:

– «Хоста», «Пятьсот десятому»...

– «Пятьсот десятый» – «Хоста», – тут же прошелестел ответ в наушниках.

– Прошу выход на Адлер с набором две четыреста. Далее на Красную поляну – четыре тысячи.

– Выходите, «Пятьсот десятый» на Адлер. Две четыреста доложите.

– Благодарю, две четыреста доложим...

Палыч включил бортовые огни, подсветку панелей и приборов – в кабине сразу стало уютней...

Ночные полеты Скопцову нравились. Мерный гул двигателей, сливавшийся с тонким посвистыванием лопастей; теплая кабина; ровная подсветка. Все это создавало неповторимое, безмятежное настроение, полную независимость, оторванность от житейских проблем и внешнего мира...

И вдруг приятные размышления прервал дробный стук по фюзеляжу. Члены экипажа быстро переглянулись.

– Вот суки!.. Из пулеметов вдогон садят! – воскликнул бортач и, приоткрыв дверцу, выглянулся в грузовую кабину.

Из двух отверстий в желтом топливном баке, укрепленном вдоль левого борта, текли струйки керосина. А с потолка из таких же дырок капало дымящееся темное масло...

Следующая очередь веером прошила тонкие стенки верхней части фюзеляжа. Вертолет резко дернулся носом; один из двигателей надсадно завыл, тревожно замигали красные и желтые табло на приборных досках пилотов; неживая баба, «обитавшая» в бортовом речевом информаторе, вежливо завела монотонный разговор о неполадках на борту...

– Отказ левого! – четко доложит Палыч.

– Выключай! – скомандовал майор, удерживая курс машины.

Недокуренная сигарета полетела в приоткрытый блистер...

– Левый горит, – подсказал правый летчик.

– Сейчас... сейчас будет порядок... – лихо управлялся с топливными и противопожарными кранами техник. – Ну, сучары!.. Завтра всех грузин на нашем рынке поубиваю!!

– Долететь бы... до нашего рынка!... – глядя на приборы, скептически проворчал Скопцов и добавил: – Андрей, курс на ближайшую сушу.

Поелозив пальцем по карте, второй пилот доложил:

– Вправо пятнадцать. Вот так, – отлично! Идем прямо на выступающий мыс. Удаление тридцать. Только вот мыс этот находится...

– Где он находится?

– Абхазский берег, командир. А до нашей территории от мыса еще пилить километров тридцать.

Новость не обрадовала. Подраненная «восьмерка» на одном движке, обороты которого, не слушаясь РУДа, «плавали» и едва доходили до номинала, постепенно теряла высоту.

Макс подобрал рычагом «шаг-газ» наиболее оптимальный режим и резко толкнул вперед левую педаль. Нос «восьмерки» послушно вильнул влево – вертолет полетел со скольжением. Командир оглянулся назад в выпуклый приоткрытый блистер...

Чужой сторожевик исчез в сгущавшемся тумане, но теперь беспокоила другая проблема: за фюзеляжем раненой машины тянулся шлейф черного дыма. Вернув внимание приборам, майор покачал головой – секунды уходили, а вместе с ними таяла и спасительная высота.

– Нет, мужики, до берега не дотянем. И к танкеру уже не сможем вернуться, чтоб свои подобрали, – констатировал он крайне неприятный факт и в третий раз нажал кнопку «радио» – на сей раз для обстоятельного доклада о чрезвычайном происшествии на борту и о предстоящей вынужденной посадке на воду. Однако и радиостанция ответила молчанием.

А до поверхности холодного бескрайнего моря оставалось всего сто метров...

Через минуту вертолет выскоцил из последнего, тонкого и почти прозрачного слоя дымки – море потемнело; гребни высоких волн стали еще белее. Семь лет Скопцов бороздил просторы над югом России, частенько приходилось выполнять полеты и над Черным морем, но никогда еще таившаяся в нем опасность не казалась летчику столь очевидной и близкой. Ни разу еще грозная стихия не посягала на жизнь Максима и его товарищней.

«До береговой черты километров двадцать пять, – прикидывал он, посматривая на стрелки высотомера и указателя скорости, – мы же не протянем и пяти...»

Практики посадок на воду у Максима, увы, не было – на водоплавающих Ми-14 летать не доводилось. А на нынешнем варианте исключительно «сухопутной» и отнюдь не приспособленной к приводнениям винтокрылой машины, ставить подобные эксперименты – все равно, что играть в русскую рулетку.

«Будто есть выбор... – поморщился он и с грустной иронией спрашивал: – Что я там успел запланировать на завтра? Какую культурную программу? Увы, придется перекраивать планы...»

Высота шестьдесят...

По раненному телу «восьмерки» прошла волна ощутимой вибрации – скорость полета уменьшалась. Однако тряска становилась сильнее с каждой секундой. Видно пулями была покалечена одна из лопастей.

– Палыч, иди в грузовую – займись лодкой! – скомандовал майор и крикнул вслед вскочившему бортачу: – Только держись хорошенъко!

Оба пилота по очереди отстегнули лямки ненужных парашютов и приготовились к приводнению.

Высота сорок...

Из-за сильной вибрации показаний приборов разобрать уже было невозможно. Скопцов подвернул машину против ветра. Устанавливая поудобнее ноги на педалях и напрягая мышцы, с досадой подумал: «Как быстро и некстати темнеет! Если и получиться сесть на воду без приключений – спасателей придется подождать».

Высота двадцать...

– Отпусти ручку, сажать буду сам. Держись, за что сумеешь, а ногами упрись в приборную доску, – приказал он Андрею.

Они снижались строго против ветра. Вылетая с аэродрома два часа назад, погода казалась спокойней, а сейчас море уже не на шутку разбушевалось. Волны, гонимые шквалистыми порывами, при приближении оказались чрезмерно высокими и вряд ли позволили бы сесть, как предусматривали инструкции.

«Десять карт в левой руке... – пронеслась в его голове шальная аналогия, – я только что сказал „раз“... Но, отадут ли прикуп?..»

Молоденький пилот молча взирал на производимые командиром эволюции вертолетом, полностью вверяя ему свою судьбу...

«Главное – притереть фюзеляж к поверхности аккуратненько и ровно. Тогда останется возможность спастись, – сосредоточенно думал Макс, просчитывая шансы. – Если сразу опрокиннемся – моментально наберем воды и не успеем выбраться! Надо, чтобы машина поддержалась на плаву хотя бы минуту – не хотелось бы кормить рыб в таком возрасте!»

Высота десять...

Вибрация стала ужасающей – казалось, подраненный пулями вертолет вот-вот должен развалиться на части. Но летчик продолжал ворочать и тянуть на себя упрямую, ставшую тяжелой и непослушной ручку.

Быстро смахнув со лба скатывавшиеся капельки пота, он совершал последние движения рычагами управления, стараясь как можно аккуратнее примостить брюхо машины между двумя соседними, исполинскими гребнями...

– Приготовились, мужики! – процедил Скопцов, скрипя зубами и напрягаясь всем телом.

«Ну... спаси и сохрани нас Господь!»

* * *

«Прикуп мой! – едва не воскликнул Макс, – полдела сделано – мы целы! Теперь посмотрим, что за пара карт, и какую игру заказывать...»

Приводнение прошло удачно – днище фюзеляжа мягко коснулось воды и «восьмерка», проплыв по инерции с десяток метров, закачалась на высоких волнах, все еще пытаясь удержать равновесие вращавшимся несущим винтом.

– Обалденная посадка! – изумленно качал головой второй пилот, – в жизни б не подумал, что на нашем «сухогрузе» можно так...

– Пошел-пошел, Анрюха! Сейчас не время для разбора полетов – хвостовой винт того и гляди разлетится! – прикрикнул Скопцов, толкая ручку вперед, дабы рулевой винт не касался воды. – Быстрее прыгайте с Палычем в лодку и отплывайте как можно дальше влево!..

Лейтенант мигом сорвался с пилотского кресла, но в дверном проеме задержался и напомнил:

– Командир, температура воды – плюс три. У вас не более минуты.

Кивнув, майор подал ему свою куртку:

– Прихвати в лодку.

Громкого шипения сработавшего баллона со сжатым воздухом Макс не слышал, а лишь видел краем глаза, как бесформенный оранжевый мешок, болтавшийся на волнах слева по борту, быстро увеличивался в размерах и приобретал очертания вполне сносного плавсредства.

– Ну, быстрее же, мужики!.. Быстрее!.. – подгонял он членов экипажа. Те уж попрыгали в надутую лодку; Палыч взмахивал короткими веслами, Анрюха колдовал со снаряжением... А вода стремительно заполняла пилотскую кабину, и Скопцов нетерпеливо ворчал: – Быстрее

гребите, мать вашу!.. Сейчас наш лайнер сменит статус, и превратиться в батискаф!.. А вместе с ним и я стану подводником!!

Наконец, лодка достигла безопасного рубежа.

Теперь успеть бы самому!

Он, выключил работающий двигатель и, уцепившись за проем аварийно сброшенного блистера, отклонил ручку управления в сторону, заваливая вертолет вправо. Лопасти с противным чавкающим звуком, с шипением и свистом застучали по воде. Тело вертолета содрогнулось, точно в последней агонии; в воздухе замелькали прямоугольные обломки; на остекление блистера правого летчика накатила волна, а слева осталось только темно-серое небо...

Майор повис, подтянулся, нащупал ногами приборную доску.

Выбравшись на левый борт кабины, без раздумий прыгнул в обжигающую холодом воду...

В ледяной воде он находился не более минуты – ровно столько потребовалось, чтобы, энергично взмахивая руками достичь отплывшей от тонущей «восьмерки» резиновой лодки. Однако даже этого короткого времени хватило сполна – одеревеневшие пальцы стали непослушными и перебраться через скользкий, оранжевый борт Максим сумел лишь с помощью товарищей. И тут же сняв мокрый комбинезон, накинул свою сухую куртку...

Когда небольшая пятиместная лодчонка оказалась на расстоянии пятидесяти метров от скрывавшегося под водой вертолета, офицеры словно по команде перестали грести и, обернувшись, молча смотрели на боевую машину. Скоро фюзеляж окончательно скрылся из виду, а над поверхностью, медленно вращаясь вокруг оси, осталась пятнистая хвостовая балка, несколько секунд парившая над волнами. Но и она все быстрее проваливалась вниз, пока вода не сомкнулась над тремя кузыми обломками лопастей рулевого винта...

* * *

Свинцовое из-за непогоды небо с каждой минутой становилось тяжелее; темнело, приближая непроглядную, антрацитовую ночь. В эти минуты даже не приходило в голову, что где-то высоко – в пяти-шести километрах, тяжелая рваная муть расступается, сменяясь чистым прозрачным воздухом, и там – на этой высоте, светит красное вечернее солнце. Здесь же – внизу, трепавший лодку и поднимавший фейерверки соленых брызг ветер, стал ураганным, а порывы и вовсе едва не переворачивали утлое суденышко. В море не на шутку разыгрался сильнейший шторм.

Одежда трех авиаторов давно набухла от влаги и не согревала продрогшие тела. Запрятанная за пазухой техника аварийная радиостанция непрерывно передавала сигналы бедствия с того момента, как вертолет ушел под воду. Члены экипажа частенько оглядывали окружающее пространство и прислушивались, но грозный рокот бушевавшего моря не позволял разобрать других звуков.

Спасательные службы почему-то запаздывали. Конечно же, их искали – вертолетчики были в этом уверены и с надеждой ждали: вот-вот появятся огоньки заветного спасательного судна или вертолета. На коленях второго пилота лежали наготове сигнальные патроны и ракеты – лишь бы послышалось нечто похожее на шум авиационных двигателей или появился силуэт корабля. Но вокруг бушевало взбеленившееся море, а завывающий ветер норовил вырвать и унести кусок паруса. Все вокруг было против них.

Еще в сумерках – до наступления ночи, Максим почувствовал сильнейший озноб. Необходимо было согреться, разогнать кровь, иначе вынужденное купание с последующим переохлаждением организма скоро сделают свое дело. И отыскав среди вороха всевозможных

лодочных принадлежностей складную резиновую емкость, он принял с монотонно быстрою вычерпывать воду со дна их надувного судна...

Температура продолжала стремительно падать. Летные комбинезоны, отнюдь не приспособленные для зимних морских прогулок, покрылись коркой льда, и затрудняли любые движения, но именно оно – движение, до прибытия помощи, оставалось единственным спасением для терпящих бедствие. Понимая это, майор периодически отдавал различные приказания, не давая друзьям забыться смертельным сном. Он, то заставлял Палыча вычерпывать вместо себя воду, то донимал разговорами Андрея. Однако силы уходили, и люди оставались беззащитными перед свирепствующим холодом.

В сгустившейся над пятиместной лодкой темноте никто не стонал, никто не жаловался – все были твердо уверены: по тревоге наверняка подняты авиация, береговые части, военно-морские суда и подразделения МЧС. Потерпевший аварию экипаж давно ищут и обязательно найдут.

Иногда командир прекращал свое бесполезное занятие – вода на дне лодки не убавлялась, и требовалось перевести дух. Посидев пять-семь минут спокойно, он вдруг начинал ощущать, как сознание стремительно затуманивается и готово сдаться на милость подкарауливающего сна. Тряхнув головой и растолкав друзей, отгоняя их сонливость, Максим снова продолжал работу...

Время шло, и наступала длинная, зимняя ночь, пережить которую суждено было не всем. В середине ночи внезапно захрипел и начал заваливаться на дутый, резиновый борт лейтенант.

– Андрюха! – закричал, пытаясь растормошить его, майор. – Андрюха, потерпи немного!.. Ну, давай же – очнись!

Он схватил сигнальный патрон и, отвернув герметичную крышку, рванул шнур. Сноп ярко-красного огня озарил пространство вокруг шлюпки. Передав источник освещения борттехнику, он долго растирал руки и лицо молодого парня, стремясь привести того в чувство...

Но вскоре Скопцову пришлось накрепко привязать фалом бездыханное тело молодого летчика к покатому борту лодки...

Еще через час, во мгле ночного неба, появились огоньки долгожданного самолета. Пилот сжег еще три патрона и отправил ввысь одну за другой пять ракет. Тщетно. Потерпевших аварию не заметили, но от мысли, что поиски организованы и скоро их обнаружат, стало немного легче.

Одежда оставшихся авиаторов лишь самую малость предохраняла от пронизывающего смертельным холодом ветра. Накрывшись с головой парусом, непослушными и негнущимися пальцами, они попытались зажечь сухой спирт – таблетка, с минуту померца голубовато-зеленым пламенем, погасла. Как только Палыч замолкал, Максим яростно тряс его, вынуждая очнуться от опасного забытья. С трудом вытащив из кармана шоколадку в промокшей упаковке, он отломил от плитки несколько кусочков и заставил друга поесть. Однако ж сил, бороться со смертью, у того уже не оставалось.

– Макс, – зашептал нездолго до рассвета бортач, едва ворочавшимися губами, – кажись, конец это наш...

– Не сдавайся Палыч! Держись! – рычал майор, оборачивая вокруг него свою половинку паруса. – Нас найдут! Посмотри – скоро утро, рассвет...

– Можа и найдут... Тела наши окоченевшие...

– Держись, Палыч! Потерпи еще немножко! Все спасательные службы поставлены на ноги. Нас же не могут бросить на произвол судьбы!..

Командир долго и интенсивно растирал его, потом согревал лицо и руки дыханием. Палыч всегда был крепким мужиком, и на короткое время отчаянные процедуры помогли, но

сам летчик все горше осознавал – если в ближайшее время спасатели не подоспевают – им не протянуть и часа.

Ему, каким-то неведомым и опровергвшим всякую логику образом, помогло скоротечное купание в ледяной воде после посадки. Вероятно, организм, благодаря столь радикальной мере в одночасье сумел настроиться на длительную борьбу с холодом, что позволило держаться дольше других. Да и на здоровье до сего дня Скопцов не жаловался. Несколько часов все это спасало, но предел ощущался явственнее с каждой минутой...

Пролетавший совсем близко вертолет они заметили слишком поздно. Выпуская сигнальную ракету, майор различил даже контурные огни несущего винта. Ярко-красная точка взмыла вверх, но уже не в поле видимости пилотов винтокрылой машины. Один из двух оставшихся патронов, он зажечь не успел.

– Макс... Передай жене... – еле шептал техник, провожая взглядом последнюю надежду, – пусть детей бережет...

Под утро Палыч затих. Сил тормошить его, растирать, согревать дыханием, если тот был еще жив – не осталось.

Летчик долго сидел неподвижно с ужасом взирая, как брызги воды на лице молоденького лейтенанта, недавно – прошлым вечером, озарявшемся улыбкой в теплой кабине вертолета, превращаются в лед. Он отказывался верить в произошедшее с его экипажем; не в силах был осознать и того, что остался в безбрежном море один. «Уже второй экипаж... От меня уходит в небытие второй экипаж. Следом за этими ребятами не станет и меня. Осталось совсем недолго...»

Небо снова окрасилось в тосклиwyй серый цвет – новый день занимался над Черным морем. Однако улучшения погоды этот день не принес – штурм не унимался, по-прежнему вздыбливая ветром огромные волны...

Максим уже почти не чувствовал собственного тела. Он с трудом накрылся парусом и попытался согреть дыханием руки. Мыщи сковала бесчувственная слабость, а в голове поселилось равнодушие к происходящему вокруг. Сейчас ему хотелось только одного – позарез требовалось отогреть хотя бы правую руку. Несколько раз он безуспешно тянулся ей к пистолету, спрятанному в левый нагрудный карман. Замерзшая и покрытая льдом молния не поддавалась. Наконец Скопцов сумел достать оружие, но передернуть затвор не хватало сил – ладонь, будто чужая, беспомощно скользила по гладкой вороненой стали.

«Господи... Так ведь и придется медленно умирать... Сколько еще? Полчаса, час? Вряд ли дольше...»

То ли от холода, то ли от страшной усталости сознание начинало временами расплываться. Со сном он, каким-то образом, продолжал бороться – вероятно, сильнейшим потрясением явилась недавняя смерть Андрея, но появились странные галлюцинации – то мерешились звуки низко пролетающего вертолета-спасателя, то разрывал воображение протяжный звук корабельного ревуна. Летчик перестал верить в навязчивые призраки и сидел, глядя в одну точку. Он уже чувствовал дыхание смерти, стоявшей где-то рядом – за спиной.

«Надо сбросить с себя парус и попытаться заснуть. Тогда наступит конец мучениям...» – вяло подумал Максим, с трудом, преодолевая сопротивление обледеневшей одежды, расцепил онемевшие руки и выпустил из объятий на свободу прорезиненную ткань. Подхваченный ветром парус тут же понесло над бушующими волнами. Пилот привалился спиной к борту и стал смотреть на серые, быстро пролетавшие низкие облака...

«Так ли уж много близких людей я оставляю на этом свете?.. – медленно ворочались последние, внятные мысли, – дорогие мои... Простите за все; и ты прости меня, Александра... Не поминайте плохого...»

Штормовое море неистово кипело. Оранжевая надувная лодка, ярким цветком средь черно-серебристого поля, то взлетала вверх, перекатываясь через гребни огромных волн, то проваливалась вниз, осыпаемая седыми брызгами. Палыча он не видел, лежащий же напортив Андрей, стал напоминать глыбу льда...

Сквозь матовую пелену, уже застилавшую взгляд, Макс едва различил темное, размытое пятно, выросшее над горизонтом. До него доносились какие-то голоса – непонятная, отрывистая речь...

«Опять глумится угасающее воображение. И Андрюха, наверное, уходит так же...» – нехотя проплыла догадка с холодным, предсмертным безразличием.

Странное пятно сменилось всплывающими друг за другом, отчетливыми и полными ярких красок, фрагментами из далекого детства, юности. Последний образ, безошибочно узнанный им, ласково склонился над его лицом, горячо о чем-то зашептал...

Это была она – его любимая Александра. Должно быть, пришла проститься с ним. И майор понял: жизнь безвозвратно уходит; и больше никогда не увидеть свою милую Сашеньку...

* * *

Это произошло с полгода назад – летом, когда старшего летчика Скопцова повысили, назначив командиром звена. С новым назначением пришлось сменить экипаж, доверив старых друзей: правого летчика и ботового техника – молодому, недавно пересевшему в левое пилотское кресло командиру.

Друзья прожили без Макса неполных два месяца. В полуденную жару, заходя на посадку с приличным грузом на борту, неопытный приемник не справился с управлением тяжелой машины, и полный топлива вертолет рухнул на землю, не дотянув до крохотной площадки. Спасти не удалось никого...

«Восьмерка» с первым экипажем Скопцова упала и сгорела в окрестностях чеченского села Харсеной в пятницу, и начальник гарнизона объявил в военном городке трехдневный траур.

Максим не имел к катастрофе ни малейшего отношения, но, стоя в почетном карауле у ряда из трех цинковых гробов, проклинал себя за данное согласие двигаться вверх по служебной лестнице. «Ну, чего ж тебе не хватало? Зачем ты ушел от ребят? Сдалась тебе эта чертова карьера – летал бы и летал с ними! Простите меня мужики! Виноват я перед вами...»

Похороны состоялись в понедельник, однако и в ближайшие недели никто из эскадрильи, трагически потерявший троих товарищей, на увеселительных мероприятиях не появлялся. Близкие друзья скорбели по ушедшим в течение месяца – таковыми оставались давние мужские традиции большого гарнизона.

В последнее воскресенье неофициального траура Скопцов заступил в наряд начальником патруля и по долгу службы, обязан был изредка наведываться внутрь огромного клубного зала дома офицеров. Далеко он забираться не решался – затолкают, да и летный китель с красной повязкой на рукаве смотрелся нелепо среди разряженной, пестрой толпы. Войдя в очередной раз в полутемное, душное помещение, Максим остановился недалеко от дверей и посматривал поверх голов беснующихся в быстром танце людей. Вскоре аллегро затихло, и он, все еще ощущая в ушах звон, направился к выходу из здания. «Лучше уж торчать на свежем воздухе, – подумал капитан, – да и потише будет на улице...»

– Макс! – вдруг окликнул кто-то и схватил за болтавшуюся на ремне кобуру. Перед ним возникла радостная физиономия однокашника Лешки, служившего в соседней эскадрилье и имевшего обыкновение появляться в самый неожиданный момент.

– Привет дорогой, – пропел он, протягивая широкую, как лопата, ладонь, – тут вопрос назревает...

– Пьянка, небось, опять? – с тоскливой безысходностью пожал приятелю руку Скопцов.

– Как в воду смотришь! Семь лет выпуска – забыл что ли!?

«Действительно из башки вылетело! – подумал начальник патруля, – надо же, как быстро летит время...»

– Не возражаешь, если у тебя соберемся? – на всякий случай поинтересовался однокашник, прекрасно зная, что место встречи неизменно.

– К своим двадцати семи годам ты становишься деликатным, Леха. Впрочем, учиться благому никогда не поздно...

– Пообщаешься десять лет с таким чертовым интеллигентом как ты.

– ...И начать тебе стоит непременно с вежливости...

Он хотел еще что-то отпустить по поводу стартовавшего перерождения Лешки, да внезапно заметил странный и, отчасти, изумленный взгляд друга, направленный куда-то за его спину. Приятель стушевался и с завистью зашептал на ухо:

– Эх, Макс, ну и везунчик же ты! И почему к тебе так липнут красивые телки!? Смотри, какая куколка подошла, а ты, осел, ни хрена не слышишь...

Звучали аккорды медленного танца, и Скопцов действительно ничего не слышал. Обернувшись, увидел стоявшую перед ним молоденькую, симпатичную девушку в элегантном темно-бардовом платье.

– Можно вас пригласить? – еще раз, чуть громче, повторила незнакомка.

Обескураженный летчик, смотрел на обворожительную особу, отчего-то обратившую внимание именно на него – одетого в форму, но последовать за ней не мог.

Виновато улыбнувшись, мягко произнес:

– Простите ради бога, я бы с удовольствием, но...

От захлестнувшей досады из-за неловкого положения, в которое невольноставил и без того смущенную девочку, Максим готов был провалиться сквозь землю. Не дослушав и в еще большем смятении, она повернулась, исчезая в толпе; Скопцов же, продолжал стоять, растерянно глядя вслед. Случайный свидетель драматичной сцены, сочувственно сжав локоть товарища, успокоил:

– Не переживай... На днях закончится траур, придешь сюда в гражданке – без погон и «маузера», найдешь эту очаровашку, и сам пригласишь! Я всегда говорил – ты у нас везунчик!..

Именно так капитан и хотел поступить. Ровно через шесть дней – по окончании скорби, приодевшись в штатское, он пришел субботним вечером в клуб. Разговаривая с то и дело подходившими друзьями, пилот, посматривал по сторонам и искал прелестную барышню в темно-бардовом платье. Бряд ли в его голове витала мечта познакомиться со столь красивой, но совершенно юной девушкой, однако извиниться и загладить вину за неуклюжий, вынужденный отказ, возжелал непременно...

Вскоре он заметил ее. Она скромно стояла возле широкой колонны, вместе с Анастасией – женой одного из авиационных инженеров. Подойдя чуть ближе и дожидалась медленного танца, Скопцов стал осторожно рассматривать девочку, сменившую бархатное платье на светло-голубые джинсы и белую кофточку. Стройная, чуть выше среднего роста, с правильными чертами лица, она, на первый взгляд, походила на интригующую модель с обложки журнала. Что-то неуловимо знакомое присутствовало в ее облике... Да-да, безусловно – она была очень похожа на Настю! Только длинные и густые темные волосы, аккуратно забранные назад и уложенные в тугую змейку, отличали ее внешность от находившейся поблизости молодой женщины.

Наконец пилот услышал звуки спокойной музыки и отчаянно пошел в наступление.

– Добрый вечер, – тихо поздоровался он и, обращаясь к Анастасии, спросил: – позволишь пригласить твою спутницу?

– Здравствуй Максим, – приветливо улыбнулась она, – тебе не могу отказать. Только верни мне ее потом.

– Можно вас? – виновато улыбнулся капитан девушки.

Но та вдруг вызывающе спрятала руки за спину и, взглянув на него не то с обидой, не то с дерзостью, отрезала:

– Извините, но мы уже уходим.

– Куда уходим!? Мы же только пришли! – оторопела Настя. – Что с тобой, Александра?..

– Пойдем! – решительно повторила та и двинулась к выходу.

Пожав плечами и сочувственно посмотрев на молодого человека, приятельница по-дружески коснулась его руки. Ему же ничего не оставалось, как проводить взглядом обиженную девицу и, в полном недоумения спешившую следом, давнюю знакомую – Анастасию...

Способ четвертый 13-14 декабря

Генерал-майор Ивлев устало провел ладонями по мясистому, загорелому лицу. Вздохнул, откинулся на спинку кожаного кресла; бросил руки на колени и покачал головой...

– Не верю своим ушам, Сева. Ты – самый, что ни наесть боевой офицер и вдруг... отказываешься, – уставился он на визави – плотного подполковника, сидевшего через начальственный стол, в чуть меньшем кресле для посетителей.

– Вы извините, Павел Андреевич, но тут такое дело... – стыдливо отводя взгляд в сторону, начал сбивчивое объяснение Барклай. – Рапорт, одним словом, я написал. Он уж пошел по инстанциям: либо здесь – в Ставрополе, либо в столицу отправился.

– Какой еще рапорт?

Всеволод тоже вздохнул:

– Об увольнении.

– Вот оно что. Неужто, на покой собрался?

– Вроде того. Устал. Набегался. Да и сколько можно по госпиталям-то мотаться? Хватит уж...

– На счет госпиталей – согласен. Сочувствую. Как плечо-то, – не беспокоит?

– Ноет иногда. Под серенькую погодку.

– Да уж, – генерал покосился в сторону окна. Погода на улице была как раз «серенькой». – А сустав? Коленный сустав подлечил?

– С коленом получше – почти забыл. Повезло в последний раз, пуля только кожу расекла, да хрящ чуток повредила.

– Повезло... – усмехнулся тот, вставая из-за стола.

Неторопливо и вразвалочку пройдясь по кабинету, Ивлев в задумчивости остановился у одного из шкафов. Упрекать подполковника в желании покончить с войной, отдохнуть, пожить по-человечески – не поворачивался язык. Уж кто-то, а он-то этот отдых по праву заслужил своей кровушкой!..

Спохватившись, начальник разведки резко обернулся:

– Коньячку хочешь?

– А, давайте!.. – махнул рукой собеседник. – Настроение подходящее – до поросячьего визгу напиться хочется!

Хозяин кабинета быстрым извлек из маленького бара бутылку, пару стопок, лимон на простеньком блюдце...

– Поруби-ка его; я пока разолью, – воодушевился он, расставляя на столе нехитрые принадлежности. Спустя минуту поднял свою рюмку и, посмотрев прямо в глаза давнему знакомцу, значительно произнес: – Ну, давай, Сева, за тебя. За то, чтоб нашел, значит... себя на гражданке! Давно тебя знаю, уважаю и... в общем, желаю тебе удачи от всего сердца.

– Спасибо, Павел Андреевич.

Выпив и смачно закусив сочным лимоном, мужчины неторопливо закурили...

Их приятельство хоть и было давним, да всегда ограничивалось встречами исключительно по служебным вопросам. Да, случалось и раньше потреблять крепкие напитки за одним столом. Но все больше на похоронах, поминках... Однако уважение с доверием присутствовали в их отношениях всегда – этого было не отнять.

– Ты, помниться, холостяком был. Ничего с тех пор не изменилось?.. – улыбнулся генерал-майор, немного ослабляя узел галстука.

– Изменилось... Кажется, нашел хорошего человека. Настоящего.

– Вот это другое дело! Надежные тылы завсегда мужику нужны! И военному, и гражданскому.

– Само собой. Только и о тылах этих иногда следует позаботиться, войти в их положение. Каждый раз со слезами провожает в командировки – она, тоже человек.

– Это верно. Давно знаком-то с ней?

– Давненько. Скоро год.

– Стало быть, и детей пока нет…

Распинаться о подробностях их странного с Викторией знакомства, о том, что она замужем – Барк не хотел. То ли сам еще толком не верил в счастливый финал истории, то ли побаивался сглазить…

Оттого и ответил просто:

– Не успели.

Они молча выпили по второй, после чего, Ивлев продолжил расспрашивать гостя о житейских планах…

– Куда же решил податься? Жилье-то имеется? Или в «Южном» гарнизоне останешься, в хрущевке?

– И над этим еще следует подумать.

– Там и работы, небось, сейчас не сыскать, – деловито рассудил разведчик, прикуривая следующую сигарету.

– Не пропаду. И без работы не останусь. Вон сколько нынче охранных агентств развелось! Пристроюсь…

– Да… времена! На груди места нету, чтоб ордена вешать и… в охранное агентство – ушлым делягам и пацанам в костюмчиках кланяться!..

Не понимал Барклай: то ли генерал и впрямь пытается докопаться до причин, побудивших расстаться со службой, или же вкладывает в свои вопросы и фразы иронию, не одобряя сего решения. Всеволод никогда не разбирался в тонкостях человеческих отношений, не любил дебрей психологии. Более двадцати лет провел в армейских коллективах, где все было ясно, точно, прямо…

А тут немного растерялся – не мог разобрать, есть подвох, иль нету?.. Оттого и злился на самого себя.

Спустя полчаса, когда пустая бутылка перекочевала обратно в бар, они прощались.

– Ну, что ж, всего тебе наилучшего, Всеволод. Жди приказ об увольнении, отдыхай… И нас – старых вояк не забывай, – с грустью в голосе напутствовал Павел Андреевич.

Он пошел к подполковнику, протянул руку…

Вставая, Барк подался вперед, наклонился над начальственным столом и… случайно наткнулся взглядом на листок бумаги с распечатанным текстом, лежащий отдельно от толстой стопки документов.

Генеральская ладонь неловко повисла в воздухе, а офицер спецназа отчего-то заинтересованно уставился в одну из выделенных красным маркером строчек, что ровными рядами пестрели под грифом «Для служебного пользования». Рассмотреть интересующую надпись не получалось. Тогда, не обращая внимания на недоумение Ивлева, он бесцеремонно пододвинул и развернул листок к себе…

– Майор Скопцов?! – прошептал подполковник. – Тот был капитаном… А как зовут этого Скопцова?..

– Максим Сергеевич, – удивленно откликнулся разведчик, заглянув в другую распечатку.

– Макс?! – вновь опустился в кресло Всеволод. – Вот зараза!…

– А ты, выходит, с ним знаком?

– Так и знал, мля! Ну, так ведь и знал, что ничего не выйдет из этой затеи!..

– Ты о чем, Сева? О какой затее?..

Однако Барклай уже не слушал собеседника. По враз посеревшему лицу пробежала тень сомнения, отголоски каких-то мучительных, но поспешных раздумий...

Наконец, на что-то решившись, он громко шлепнул тяжелой ладонью по столу и выдохнул:

– Пишите, товарищ генерал!

– Что писать? – опешил совершенно сбитый с толку Ивлев.

– Фамилию мою вписывайте в боевое распоряжение.

– Фамилию?! Вот ни хрена себе! Что-то с тобой, брат, трудновато становится работать!.. То на пенсию, то в боевое распоряжение... Ты бы уж определился – дело-то нешуточное... – ворчливо удивлялся тот, усаживаясь на место, водруженная на нос очки и закапываясь в ворохе бумаг.

Но теперь он не собирался скрывать своего довольства – если предстоящую операцию возглавит опытный Барклай, появится реальный шанс на ее успешное завершение.

– Так ты объяснишь мне, старому дурню, что же так резко повлияло на твое решение? – с дружеской сварливостью посматривал начальник разведки поверх роговой оправы очков. – А то я, понимаешь, битый час его уговаривал и все бестолково; а тут увидел фамилию какого-то летуна и враз согласился.

– Жизнью я этому летуну обязан, Павел Андреевич. Он нас тогда троих в самый последний момент из лап Араба вытащил, рискуя собственной головой.

– А-а... это в последний-то раз – в сентябре!.. Ясно. Тогда вопросов больше нет, – кивнул генерал и стал негромко пояснять, что-то быстро заполняя в отпечатанной на стандартном листке форме: – Боевое распоряжение для твоей группы мы подготовим к завтрашнему утру. Вертолет Скопцова не вернулся с боевого задания – упал в море где-то неподалеку от Абхазского побережья...

– Про катастрофу вертолета я слышал, но не знал, кто его пилотировал.

– Данными о том, что кто-то из экипажа остался жив – мы не располагаем. Есть лишь предположения, догадки – там неподалеку парочка грузинских военных кораблей курсировала. Поэтому, не мешало бы проверить, убедиться...

Развернув и подвинув к подполковнику карту, он очертил карандашом небольшой район в северной Грузии.

– Здесь по данным аэрокосмической разведки находится непонятное поселение, похожее на лагерь военнопленных. Сюда тебе и предстоит наведаться, аккуратно последить, выяснить и, при наличии положительного результата, принять нужное решение.

– Ясно, – кивнул тот.

– Вылет группы, скорее всего, завтра во второй половине дня. Собраться успеешь?

– Не проблема.

– Задание нелегкое – предупреждаю сразу. К тому же на чужой территории. Если, не дай бог, что случится – тебя и твоих орлов там никогда не было. Понял? Ну, а ежели кто попадется...

– Понятно. Не в первой.

– Нет, Сева, такого задания я не припомню. Поэтому... коль не получится его выполнить – строго на взыщу. В общем, слушай меня внимательно...

И, отодвинув в сторону карту с писаниной, он принял обстоятельно объяснять тонкости разработанной его управлением операции...

* * *

За ночь Ивлев позвонил трижды, поторапливая Баркля со сборами и стартом. Потому вместо запланированного на следующие сутки вечернего вылета, группа прибыла на аэродром ранним, морозным утром.

«Лесорубов» в кабине находилось ровно двенадцать. Именно так называли местные авиаторы своих соседей – спецназовцев, и именно столько их насчитал второй пилот, руководивший посадкой и размещением пассажиров в десантном отсеке вертолета. В соответствие с должностными обязанностями Серега – молодой лейтенант, отвечал так же и за проведение инструктажа на всякие «пожарные» случаи в полете. Однако ж никто и никогда этих умных фраз, прописанных в инструкции экипажу, из уст правых летчиков или бортовых техников не слыхивал. «Хрен они че поймут... – ворчали те, усаживаясь в пилотской кабине и застегивая на груди ремни парашютов. – Вы посмотрите на них! Ни ума, ни мыслей, ни проблеска интеллекта. Одна злоба, мускулы, да навороченное оружие неизвестной конструкции».

И вот уже с четверть часа рослые, плечистые и отлично экипированные парни в пятнистой форме сидели вдоль правого борта на откидных сиденьях. Сидели, молчали и терпеливо ждали высадки в заданном районе...

Возглавлял группу, в составе которой были и капитан Терентьев, и лейтенант Кравец, подполковник Барклай. Весть о его увольнении давно разнеслась по гарнизону «Южный», и тем удивительнее для подчиненных стало внезапное решение ветерана отметиться в горячей точке еще разок. Скоро их удивление сменилось радостью – старый, проверенный и надежный командир всегда лучше, чем любой новый. Пусть семи пядей во лбу, но не знакомый...

Всеволод как всегда устроился рядом с переборкой, отделявшей грузовую кабину от пилотской, прямо напротив выходной дверки. Колени привычно сжимали стоящий вертикально автомат; мысли то и дело возвращались к единственной любимой женщине...

Барклай не был героем в отношениях со слабым полом – вечно стеснялся ляпнуть чего-нибудь эдакое... из лексикона своих орлов; опередить события или, напротив – чего-то недосказать, недоделать. И с ней, по мере укрепления отношений, вел себя сдержанно, долго не веря, что неотразимая особа одарит серьезным вниманием; что встречи с ним – не прихоть скучающей и уставшей от роскоши светской красавицы, а следствие зародившегося ЧУВСТВА.

Однако чувство к простоватому, сильному мужчине, на висках которого уж пробивалась седина, вероятно, все ж имелось и становилось с каждым днем очевидней. То ли Виктория устала от общества инфантильного, изнеженного офисной стерильностью мужа; то ли до боли ощущала нехватку чего-то важного в жизни. И этим важным внезапно повеяло от нового знакомства...

Всеволод не ведал причин, побуждавших девушку мчаться к нему на свидания, или звонить в штаб бригады – разыскивать, подчиняясь простому желанию услышать его голос. Удивленно улыбаясь радостному осознанию, что стал вдруг кому-то необходим, он и сам с радостью приходил к ней в кабинет, ехал в центр небольшого городка на свидание, или готов был болтать с ней о чем угодно по телефону в любое время суток.

Постепенно и его симпатия переросла в глубокое, изумляющее новизной чувство. Он мог поклясться, что такого ощущения не испытывал даже к бывшей жене – ни до того как они стали супругами, ни после. Видать, дорос до настоящей любви лишь к своим сорока...

Потом случилась легкая заминка с мужем Вики. Банкир очнулся, занервничал, внезапно догадавшись: сероглазая куколка, всегда удобно пребывавшая под боком, неизменно встречавшая вечерами и кормившая вкусными ужинами, ускользает, перестает быть его собственностю.

В тот день Барклай прогуливался с ненаглядной Викторией, бережно держа ее под руку, слушая беспечное щебетание... Внезапно четверо молодцов, выскочив из тормознувшей рядом иномарки, окружили; с недобрыми взглядами подошли вплотную; оттеснили, перепугано умолкшую девушку.

Спецназовец ухмыльнулся и, долго не раздумывая, двинулся на парней – плевать ему было, кто они такие, по чьей наводке появились, чего хотят. Не дожидаясь объяснений, он с ходу уложил правой «пивной кружкой» ближайшего; с разворота опрокинул жутким ударом ноги второго... Двое других отпрыгнули в разные стороны; тот что был заводилой, недоуменно крикнул:

– Ты с южного гарнизона, что ли, мужик?! Спецназ?..

Мужик молча направился к вопрошившему...

– Все-все!! Вопросов больше нет! – выставил вперед ладони молодой бандит. – Это ошибка!.. Слыши – ошибка!!

Главарь быстро помог встать на ноги мычашему и зажимавшему окровавленный рот ладонями товарищу.

– Давид мог бы предупредить, мля... козлина... – корчась от боли, ворчал усаживаясь в машину тот, что получил смачный пинок в печень.

Через несколько секунд иномарка умчалась в неизвестном направлении. Всеволод вернулся к девушке, съязвом взял ее под руку. А она дрожащими губами пробормотала:

– Они упомянули моего мужа. Мужа зовут Давид... Это его рук дело!..

– Что это меняет?.. – пожал он плечами.

Но он оказался не прав – почему-то упрямо сбивала с толку уверенность: Виктория никогда не решиться расстаться с роскошным и уютным банкирским гнездышком. Однако то событие круто изменило ее отношение к супругу – спустя две недели, собрав самые необходимые вещи, она от него ушла...

Ми-8 летел на предельно-малой высоте, плавно огибая возвышенности. Под голубым брюхом винтокрылой машины стремительно проносились пролески, густые кедрачи и голые серовато-коричневые склоны. До точки десантирования группы спецназа, что располагалась в пяти километрах от Российско-Грузинской границы, предстояло лететь еще две-три минуты, когда из лесистого ущелья бесшумно вылетело узкое длинное тело ракеты ПЗРК. Оставляя дымный след над высокими кронами, ракета быстро набирала скорость и нагоняла уходивший за отлогий край ущелья вертолет.

Жесткий хлопок по левому борту резко дернул машину вправо и спокойная обстановка в кабине экипажа мгновенно сменилась слаженной авральной работой – пилоты инстинктивно давили ручку в противоположную сторону, пытаясь выровнять «восьмерку». Опытный бортач вскочил со своего места и, простирая руки под потолок, где мигали красные сигнальные лампы, колдовал с тумблерами и кнопками. Тем временем в наушниках все тот же бесстрастный женский голос речевого информатора монотонно вещал о «пожаре в левом двигателе».

Борьба экипажа за жизни пассажиров, за свои жизни, за спасение дорогостоящего летательного аппарата длилась недолго – запаса высоты практически не было. Вертолет терял скорость, продолжал заваливаться на правый бок, задирая при этом к ясному небу сверкавший стеклянными гранями нос...

И вот уж неистово крутящиеся лопасти несущего винта остригли верхушки деревьев, покрывающих ровным одеялом затяжную отлогость. Вот разрушился от ударов о ветви и стволы рулевой винт, а за ним разломилась и хвостовая балка; по округе со свистом разлетелись обломки. Неуправляемый фюзеляж вонзился в зеленое месиво и беспорядочно вспарывал его, пока не исчез под уцелевшими кронами.

А спустя еще несколько секунд раздался оглушительный взрыв, вознесший высоко вверх огненные завихрения вспыхнувшего авиационного топлива...

* * *

Абсолютное большинство людей в последние минуты жизни по выражению мэтров психологии «утрачивают индивидуальность». Нет, это означает не только «сходить под себя». Это еще кое-что в придачу. Но некоторым индивидам, коим те же психологи посвящают диссертации и прочие научные труды, удается сохранять спасительный здравый рассудок.

Откровенно говоря, закончить свой жизненный путь в банальной авиационной катастрофе не так-то просто, как представляется многим обывателям. В каждой аварии, в каждом происшествии присутствует огромное количество обстоятельств и случайностей, так или иначе влияющих на соотношение числа трупов к числу выживших. Иногда эти обстоятельства вмешиваются в ход событий по воле божьей, иногда согласно воле и хладнокровию тех, кто угодил в переплет.

Но чтобы суметь воспользоваться данными обстоятельствами, желающий поспорить с капризной судьбой обязан находиться в непременной готовности к подобным житейским неприятностям. А уж встретив эти неприятности во всеоружии, умудриться своевременно распознать ниспосланные свыше и малозаметные на первый взгляд «соломинки». И уж тогда намертво ухватиться за них обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.